

Артуро Перес- Реверте

Фалько

Фалько

Артурос Перес-Реверте

Фалько

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(4Исп)-44

Перес-Реверте А.

Фалько / А. Перес-Реверте — «Эксмо», 2016 — (Фалько)

ISBN 978-5-699-98893-8

Лоренсо Фалько, агент разведывательной службы, работает внутри страны и за рубежом, его отправляют на самые сложные задания, он может выпутаться из самых тяжелых ситуаций. На этот раз Фалько нужно замаскироваться и под вымышленным именем войти в доверие к представителям вражеского лагеря, чтобы вызволить из плена важную персону, в судьбе которой заинтересованы не только в Испании. Как и герой, роман тоже маскируется – под шпионский триллер и исторические приключения, но под жанровой маской скрывается драматическая история о предательстве и чести.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(4Исп)-44

ISBN 978-5-699-98893-8

© Перес-Реверте А., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

1. Ночные поезда	6
2. Вздохи Испании	13
3. Миссия в Леванте	23
4. Безгрешные палачи	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Арту́ро Перес-Реверте

Фалько

*Не верю тем, у кого есть дом, кровать, семья или друзья.
Шарль Плинье «Фальшивые паспорта»*

*На самом деле ад – довольно мощный стимулятор.
Джон Дос Пассос «Лучшие времена (неофициальные мемуары)»*

Роман основан на исторических событиях, но сюжет и все персонажи вымышлены. Следуя законам беллетристики, автор позволил себе изменить некоторые второстепенные исторические детали.

Arturo Pérez-Reverte

FALCÓ

Copyright © 2016, Arturo Pérez-Reverte

© А. Богдановский, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»»,

2017

1. Ночные поезда

Женщина, которой предстояло умереть, вот уже десять минут болтала без умолку. Разговор, банальный и пустой, шел в вагоне первого класса: сезон в Биаррице, последний фильм с Кларком Гейблом и Джоан Кроуфорд и тому подобное. Войну в Испании упомянули всего два раза, и мимоходом. Лоренсо Фалько с наполовину выкуренной сигаретой в пальцах слушал, закинув ногу на ногу и стараясь не измять заглаженную складку фланелевых брюк. Соседка сидела у окна, за которым проплывала ночь. Фалько – напротив и наискосок, ближе к двери в коридор. В купе они были вдвоем.

– Джин Харлоу, – сказал Фалько.

– Простите?..

– Харлоу. Джин... Это она играла в «Китайских морях» с Гейблом¹.

– О-о.

Дама задержала на нем неморгающий взгляд на три секунды дольше, чем позволяли приличия. Все дамы, впрочем, удостаивали Фалько по крайней мере этими тремя секундами. Он и сам несколько мгновений оценивал шелковые ажурные чулки, дорожные башмаки столь же отменного качества, что и шляпа с сумкой, брошенные на соседнее сиденье, элегантный костюм от Вионне, который в глазах человека наблюдательного (а Фалько был именно таков) не вполне вязался с чем-то вульгарно-простецким, смутно сквозившим во всем облике соседки. Настораживала и нарочитая приподнятость интонаций. Дама открыла сумочку, оглядела, в порядке ли губы и брови, каждым движением демонстрируя изысканность манер, которой на самом деле была лишена. Легенда, заключил Фалько. Придуманно неплохо и воплощено недурно. Но бесконечно далеко от совершенства.

– А вы тоже в Барселону? – спросила соседка.

– Да.

– И война не помеха?

– Я – деловой человек. А война одни дела затрудняет, другие – облегчает.

У нее в глазах мелькнула и исчезла мимолетная тень пренебрежения.

– Понимаю.

За три вагона от них протяжно загудел паровоз, колеса чаще и громче застучали по стыкам рельсов – начинался долгий подъем. Фалько взглянул на свои «Патек Филипп». До пятиминутной остановки в Нарбонне оставалось четверть часа.

– Виноват, – сказал он.

Погасил сигарету в пепельнице, вделанной в поручень кресла, поднялся, поправляя стрелки на брюках, подтягивая узел галстука. Лишь беглым взглядом скользнул по своему потертому чемодану свиной кожи, вместе со шляпой и макинтошем лежавшими в багажной сетке над сиденьем. Внутри не было ничего, кроме нескольких старых книг – для придания должного веса. Все необходимое – паспорт, бумажник с французскими, немецкими и швейцарскими деньгами, пузырек с таблетками, черепаховый портсигар, серебряная зажигалка и 9-мм «браунинг» с шестью патронами в обойме – было при нем. Шляпу надевать не стал, чтобы не вызвать подозрений у соседки, и, мысленно послав прощальный привет коричневому фетру своей безупречной «трильби», взял только макинтош.

– С вашего разрешения... – добавил он, открывая дверь купе.

¹ «Китайские моря» (тж. «Моря Китая», *China Seas*, 1935) – фильм Metro-Goldwyn-Mayer о приключениях в морях, поставленный Тэем Гарнеттом; Кларк Гейбл сыграл в нем морского капитана, Джин Харлоу – его бывшую и вечную любовь.

И взглянул на женщину в последний раз, но она уже отвернулась к тьме за окном, и в черном стекле отражался ее профиль. Напоследок Фалько окинул взглядом ее ноги, безразлично отметив: «Красивые». Лицо – ничего особенного, да и то благодаря косметике, однако фигура, угадывавшаяся под костюмом, хороша, и ноги ей под стать.

В коридоре стоял приземистый мужчина в длинном пальто верблюжьей шерсти, двухцветных туфлях, в черной шляпе с очень широкими полями. Глаза навывкате и смутное сходство с американским актером Джорджем Рафтом. На Фалько, как бы невзначай задержавшего рядом, повеяло смесью бриллиантина с розовой водой. Это было не очень приятно.

– Она? – шепнул человек.

Фалько кивнул, доставая из кармана портсигар, а из него – новую сигарету. Человек в пальто скривил рот – маленький, розовый, с жестокой складкой губ.

– Точно?

Не отвечая, Фалько прикурил и двинулся в конец вагона. У выхода в тамбур оглянулся и увидел, что в коридоре уже никого нет. Он курил, прислонясь спиной к двери туалета, возле самого перехода-гармоники из вагона в вагон, и слушал глуховатый перестук колес. Инструктируя его в Саламанке, адмирал особо подчеркивал, что тактическая сторона дела Фалько не касается. Не светись, чтобы не рисковать, если что вдруг пойдет не так, – вот был вердикт. Вернее, приказ. Женщина едет из Парижа в Барселону без сопровождения. Твое дело – установить, опознать и немедленно уйти. Остальным займется Пакиито-Паук. Не мне тебе объяснять. Со свойственным ему изяществом. Он мастер на такие штуки.

В голове состава снова взвыл гудок. Поезд сбавил ход, и огни за окном теперь не летели, а ползли. Колеса застучали реже и как-то вразнобой. Появившийся в торце вагона кондуктор в синей тужурке и форменном кепи объявил: «Нарбонн, стоянка пять минут», и Фалько, проходя ему навстречу мимо дверей своего купе, подобрался, насторожился. Однако все обошлось – кондуктор разминулся с Фалько в коридоре и вышел в тамбур, вероятно, Паук задвинул занавески.

Народу на платформе было немного: полдесятка пассажиров с чемоданами выгрузились из вагонов, неторопливо шагал к голове состава начальник станции в красной фуражке и с фонарем в руке, да станционный жандарм в коротком плаще стоял со скучающим видом у выхода, заложив руки за спину и не сводя глаз с часов под стеклянным куполом, показывавших 0:45. Фалько мельком оглядел свой вагон: занавески на окне его купе и в самом деле оказались задернуты. Не вертя головой, а только скосив глаза, он убедился, что Паук вышел из другого вагона и движется сейчас в пяти шагах позади.

Начальник станции остановился у дальнего края платформы, помахал фонарем и дал свисток. Локомотив фыркнул клубом пара и тронулся, медленно сдвигая с места поезд. Только тогда Фалько вошел в здание вокзала, пересек зал и вскоре оказался снаружи, на улице, где в желтоватом свете фонарей виднелась стена, заклеенная рекламными плакатами, а у тротуара, неподалеку от стоянки такси, как он и предполагал, приткнулся «пежо». Фалько задержался на миг – ровно настолько, чтобы его догнал Паук. Можно не оборачиваться – сложный букет бриллиантина с розовой водой ни с чем не перепутаешь.

– Да, это она была, – подтвердил Паук.

И с этими словами протянул Фалько изящный кожаный портфельчик. Потом, сунув руки в карманы пальто, надвинув на глаза шляпу, торопливо засеменял по улице и скрылся в темноте. Фалько направился к автомобилю – тихо урчал мотор, на водительском месте чернел неподвижный силуэт, – открыл заднюю дверцу и уселся, положив макинтош рядом, а портфель – на колени.

– Фонарь есть?

– Есть.

– Дай-ка.

Водитель протянул ему фонарик и включил первую передачу. В свете фар замелькали пустынные улицы, а потом почти сразу же – предместья, где по обочинам шли белые полосы на черных стволах деревьев. Фалько нажал кнопку и в пятне света стал перебирать содержимое портфеля: напечатанные на машинке письма и документы, записная книжка, вырезки из германских газет и удостоверение личности на имя Луизы Ровира Бальсельс с фотографией и печатью правительства Каталонии. Четыре документа – на бланках с грифом коммунистической партии Испании. Фалько все спрятал обратно, фонарик положил рядом, устроился поудобней, закрыл глаза, откинул голову на спинку сиденья, предварительно распустив узел галстука и укрывшись плащом. Даже теперь, когда от подступающего сна расслабилось четко очерченное привлекательное лицо, чисто выбритое всего несколько часов назад, но уже вновь обметанное проступающей щетиной, оно не утратило всегдашнего выражения благодушного любопытства, с которым, казалось, обладатель его наблюдает за неким трагикомическим действием, где роль отведена и ему, – однако порой от свирепого оскала лицо это делалось неузнаваемым.

По обеим сторонам шоссе по-прежнему бежали полосатые черно-белые стволы. Прежде чем окончательно погрузиться в сон, Фалько, убаюканный мягким покачиванием автомобиля, вспомнил ноги убитой женщины. Жалко, мелькнуло в отуманенной голове. Упустил случай. Сложись иначе – ему бы не составило труда сделать так, чтобы они раскинулись для него на всю ночь.

– Новое задание, – сказал адмирал.

У него за спиной в окне над пока еще голыми ветвями деревьев на площади возносился купол Саламанкского собора. Двигаясь против света, начальник НИОС – Национальной информационно-оперативной службы – подошел к большой, на полстены, карте Пиренейского полуострова, висевшей рядом с портретом каудильо и полками с энциклопедией «Эспаса».

– Дело мутное и муторное.

С этими словами он достал из кармана пиджака – адмирал на службе неизменно появлялся в штатском – измятый носовой платок, трубно высморкался и посмотрел на Лоренсо Фалько с укоризной, словно тот был виноват в его простуде. Потом, пряча платок, метнул быстрый взгляд на нижнюю правую часть карты и ткнул туда пальцем:

– Аликанте.

– «Красная зона», – неизвестно зачем сказал Фалько, и адмирал посмотрел на него сперва внимательно, а потом недовольно.

– Ну, ясно, что красная, какой же еще быть?! – ответил он брюзгливо.

Фалько сдержался. Он всего сутки назад приехал в Саламанку, а до этого была трудная поездка по югу Франции и переход границы в Ируне. А еще раньше – головоломное задание в Барселоне, находящейся в республиканской зоне. С того дня, как произошел военный мятеж, у него не было ни одного выходного.

– В могиле выпшишься, – и адмирал посмеялся собственной шутке невесело и как бы про себя.

С тех пор как 3 августа его единственный сын, старший лейтенант флота, был убит вместе с другими офицерами на борту крейсера «Либертад», адмирал все чаще не в духе, подумал Фалько. Впрочем, едкость суждений и зловещий похоронный юмор были присущи ему неизменно, даже когда он отправлял агента из группы специальных операций за линию фронта, зная, что в ЧК с него не в фигуральном, а в самом прямом смысле могут содрать кожу заживо. «Ну, зато твоя вдова узнает наконец, где ты спишь», – говаривал адмирал или пошучивал еще как-нибудь, но в том же, совершенно даже не забавном роде. А теперь, на четвертом месяце гражданской войны, после того как при разных обстоятельствах было потеряно

человек десять агентов, этот ернически-циничный тон усвоила себе вся Служба, включая даже секретарш, радистов и шифровальщиков. И уж как перчатка по мерке приходился он в пору самому шефу – щуплому и малорослому галисийцу родом из Бетансоса, с густой седой гривой, пожелтевшими от никотина усами, нависавшими над верхней губой, крупным носом, косматыми бровями и очень черным, суровым и живым правым глазом (левый был вставной). Адмирал отличался умом чрезвычайным, а слова «красный» или «противник» неизменно вызывали в нем спокойную злобу. Говоря коротко, человек, отвечавший у Франко за шпионаж, был миниатюрен, проницателен, желчен и очень опасен. В генштабе его называли «Вепрь». Не в лицо, разумеется, а за глаза.

– Я закурю? – осведомился Фалько.

– Черта лысого ты закуришь! – рявкнул адмирал, меланхолически скосив глаз на пакет с трубочным табаком посреди стола. – Не видишь – у меня страшнейший грипп!

Хотя начальство было на ногах, Фалько продолжал сидеть. Они с адмиралом знакомы были давно – еще с той поры, когда тот (тогда еще капитан 1-го ранга и военно-морской атташе в Стамбуле) создавал для республики разведывательную сеть в Восточном Средиземноморье, которую предоставил в распоряжение франкистов, как только вспыхнула гражданская война. А задолго до этого в Стамбуле они занимались поставкой оружия Ирландской республиканской армии, причем Фалько в этой сделке выступал посредником.

– Я тут вам привез кое-что, – сказал он.

И, достав из кармана, положил на стол конверт. Адмирал взглянул на него пытливо. От того, что стеклянный глаз был чуть светлее настоящего, казалось, будто адмирал как-то странно косит, и это создавало неудобства собеседникам. Он вскрыл конверт и извлек оттуда почтовую марку.

– Не знаю, есть ли у вас такая, – сказал Фалько. – Тысяча восемьсот пятидесятого года.

Адмирал вертел марку, поднося ее ближе к свету. Потом извлек лупу из ящика стола, заваленного трубками и жестянками с табаком, и стал неспешно вглядываться.

– Черная на голубом, – объявил он с явным удовольствием. – Негашеная. Первая в Ганновере.

– Продавец мне так и сказал.

– Где ты ее купил?

– В Андае, перед тем как перейти границу.

– Цена по каталогу – не меньше четырех тысяч франков.

– Я заплатил пять.

Адмирал подошел к шкафу, снял с полки альбом и вложил марку между страниц.

– Внеси в отчет о расходах.

– Уже внес... Что там с Аликанте?

Адмирал медленно запер шкаф. Потом потрогал себя за нос, взглянул на карту и опять потрогал.

– Время еще есть. Дня два, по крайней мере.

– Мне надо будет ехать туда?

– Надо.

Забавно, как одно короткое слово может вместить в себя столько всякого, с усмешкой подумал Фалько. Перейти линию фронта, чувствуя такое знакомое беспокойство оттого, что вновь оказался на вражеской территории, что вокруг и впереди поджидают опасность и страх. И, может быть, тюрьма, пытки и смерть: выведут на сером рассвете и поставят к стенке или просто пустят пулю в затылок в полутемном тюремном подвале. Безымянный труп свалят в канаву на обочине или в братскую могилу. Бросят лопату извести – и все на том. На миг ему припомнилась давешняя дама в купе, и он, безропотно признав, что от судьбы не уйдешь, вдруг сообразил, что уже начал забывать лицо соседки.

- А пока встряхнись, повеселись, развейся, – посоветовал адмирал.
- Когда введете меня в курс дела?
- На сей раз поэтапно. Завтра утром встретимся с людьми из СИРФ.

Фалько в недоумении вздернул бровь. Это сокращение расшифровывалось как Служба информации и расследований «Фаланги» – военизированной фашистской организации, объединявшей самых твердокаменных и фанатичных членов Национального движения, во главе которого стоял сам Франко.

- А при чем тут «Фаланга»?

– А при том. Увидишь. В десять утра у нас встреча с Анхелем Луисом Поведой... Да-да, с этой скотиной. И нечего кривиться!

Фалько убрал с лица перекосившую его гримасу. Поведо возглавлял СИРФ. Твердокаменный ветеран движения, севильянец, стяжавший себе печальную славу в Андалузии, где в первые дни мятежа он по приказу генерала Кейпо де Льяно расстреливал профсоюзных лидеров и школьных учителей.

- Я считал, что мы всегда действуем сами по себе. На свой страх и риск.

– Выходит, что считал ты, не спросясь хозяина. Личный приказ генералиссимуса... На этот раз будем согласовывать действия с фалангистами, и не только: влезут немцы и дай бог, чтоб не встряли еще и итальянцы. Недавно я говорил со Шрётером на эту тему.

Фалько удивлялся все сильнее. Он не был лично знаком с Гансом Шрётером, которого неугомонные пересмешники-испанцы по созвучию называли Хуанито Срётер, но знал, что тот руководит нацистской разведкой в Испании и имеет прямой доступ к адмиралу Канарису. Вся франкистская штаб-квартира в Саламанке просто кишела отечественными и иностранными агентами: параллельно с германским абвером работала итальянская разведслужба вдобавок ко множеству испанских спецслужб, соперничавших между собой и порой мешавших друг другу, – фалангисты, разведки армейская и военно-морская, гражданские ведомства вроде тайной полиции и прочие структуры государственной безопасности. Что же касается НИОС, которую возглавлял адмирал, она напрямую подчинялась генштабу, а точнее Николасу Франко, брату каудильо, и занималась внедрением своих агентов в республиканскую зону и за границу, саботажем, физическим устранением. В ее состав входила особая группа – элитная и малочисленная, – на жаргоне спецслужб именуемая Группа Грязных Дел или ГГД.

– Сегодня вечером в казино будет прием в честь итальянского посла. Миссия разместится на верхнем этаже. Гостей будет очень много. Так что тебе надо там быть.

Фалько не сводил с него внимательного взгляда. Он знал, что шеф благоволит к нему: «Ты мне чем-то напоминаешь сына», – вырвалось у того как-то раз, – но знал также, что ему мало дела до светской жизни своих подчиненных. Правильно истолковав его взгляд, адмирал раздвинул губы в язвительной улыбке:

– И Ганс Шрётер там будет непременно. Ты с ним там повидеешься, накоротке... Без лишних глаз и ненужной огласки. Он хочет познакомиться с тобой, но так, чтобы не привлекать внимания... Без посещения нашей конторы и всякого такого прочего.

- И что мне ему сказать?

– Ничего не говорить. – Адмирал в очередной раз трубно высморкался. – Встреча ниже уровня. Помолчишь, дашь на себя посмотреть и, главное, лишнего не сболтни. Это так... прощупывание. Он слышал про тебя. Теперь хочет попробовать на вкус.

- Я понял. Смотреть, слушать и молчать.

– Вот именно... Там наверняка будет еще один наш с тобой знакомый немец – Вольфганг Ленц.

- Из компании «Рейнметалл»?

– Он самый. С супругой, вероятно. Ута, кажется, ее зовут. Или Грета. Что-то вроде. Короткое такое имя. Нет, все же Петра.

– Я знал ее.

Адмирал послал ему кривоватую усмешку, призванную показать, что эти слова его нимало не удивили. Слишком давно эти двое были вместе.

– Вот как? В библейском смысле?

– Нет. Что называется шапочное знакомство. На одном званом ужине в Загребе оказался рядом с ней и ее мужем. В прошлом году. Припоминаете? И вы там тоже были.

– Как же не помнить... – Усмешка превратилась в пренебрежительный смешок. – Могутная такая блондинка... вырез на спине до самой этой... задницы. Шлюха, как все немки... Странно, что ты не вышел на арену против этого бычка, а верней коровки, на тебя непохоже.

Фалько улыбнулся уклончиво и как бы извиняясь:

– На других лужках пасся.

– Понимаю-понимаю... – рассеянно пробормотал адмирал, уже думая о другом. – Но теперь, раз они все равно будут на приеме, нелишне узнать, чем можно у них поживиться. Случайных людей туда не позовут.

– Это должно иметь отношение к нашему делу с Аликанте?

Указательный палец уставился на Фалько, точно ствол пистолета.

– Я ни разу не произнес слово «Аликанте». Уловил, мальчуган?

– Уловил.

Правый глаз глянул жестче и суровей:

– Я не упомянул ни Аликанте, ни какой другой географический пункт.

– Разумеется, нет.

– В таком случае хватит мудрить. Вставай со стула и дуй отсюда. Завтра в десять без четверти жду тебя на улице Консуэло: пойдём к Поведе... Ах да. Форму надень.

– Форму? Вы это всерьез?

– Более чем. Если, конечно, ее еще моль не съела.

Несколько удивленный, Фалько медленно поднялся. Он был не то чтобы военный, а скорей совсем наоборот. В 1918 году его с позором выгнали из Морской академии за скандальную связь с женой одного преподавателя и мордобой с ним самим, случившийся посреди лекции о минно-торпедном вооружении. Тем не менее после начала войны адмирал сумел выхлопотать для Фалько – временно, в интересах дела и облегчения работы – звание капитан-лейтенанта. Во франкистской Испании галуны или звездочки на обшлагах – ключ, отпирающий любые двери.

– Фалангисты млеют при виде мундира, – добавил адмирал вслед. – Так что сразу зайдем с козыря.

На пороге Фалько с преувеличенным строевым щегольством вытянулся и щелкнул каблуками:

– Не был бы я сейчас в штатском, сказал бы: «Точно так, ваше превосходительство!»

– Пошел к черту!

Благоухая лосьоном «Варон Денди», разделив зачесанные вверх волосы высоким пробором, он стоял перед зеркалом в своем номере и неторопливо прилаживал накладные крахмальные манишку и манжеты. Черные подтяжки подчеркивали ослепительную белизну сорочки, брюки с безупречными стрелками спускались на сияющие лаком туфли. Лоренсо Фалько на мгновение замер, внимательно всматриваясь в свое отражение, и остался доволен: идеально выбрит опасной бритвой, бачки подстрижены именно там, где надо, серые глаза, взиравшие на него, как и на весь остальной мир, с насмешливо-печальным спокойствием. Когда-то одна женщина – кому же как не женщинам давать такие определения? – сказала, что у него глаза хорошего мальчика, у которого в школе дела идут неважно.

В действительности дела и обстояли, и шли великолепно, хотя ему иногда казалось полезным это скрывать, особенно если рядом была женщина. Фалько происходил из хорошей андалузской семьи, издавна связанной с виноделием, виноторговлей и экспортом вина в Англию. Усвоенные с детства манеры и полученное дома воспитание оченьгодились ему позднее, когда беспутная юность, неудавшаяся военная карьера и жизнь, бродячая и авантюрная, подвергли серьезной проверке иные свойства его характера. Сейчас ему было тридцать шесть лет, а за спиной – весьма насыщенная биография: Америка, Европа, Испания. Война. Ночные поезда, переход границы под снегом или дождем, международные отели, тревога темных улиц, запретные тайные объезды. Где-то там, где свежие воспоминания перемешивались со смутными тенями прошлого, были у него еще какие-то картины и образы, которые ему – сейчас, по крайней мере, – не хотелось бы множить. Завораживающее, пленительное пространство жизни представлялось Фалько охотничьим заказником, куда доступ открыт только самым дерзким и отважным, лишь тем, кто согласен рисковать и готов платить, когда придется, не прекословя и не торгуясь. Сколько с меня? Получи, сдачи не надо. Награды вручаются немедленно, а кары – и, быть может, очень жестокие – ждут своего часа, но он пробьет еще очень не скоро. Для Лоренсо такие слова, как «отчизна», «любовь» или «будущее», не имели никакого смысла. Жизнь приучила его жить настоящей минутой. Быть волком во тьме. Алчным и опасным хищником.

Завязав галстук-бабочку, он надел жилет и смокинг, продернул сквозь петельки часовую цепочку, застегнул гладкими овальными серебряными запонками манжеты, ровно на три сантиметра выглядывавшие из рукавов, и принялся рассовывать по карманам аккуратно выложенные на доску секретера предметы: массивную серебряную же зажигалку «Паркер-Бикон», автоматическую ручку «Шиффер-Баланс» в зеленом нефритовом корпусе, карандаш со стальным колпачком, блокнотик, серебряную коробочку с четырьмя таблетками кофе-аспирина, крокодиловой кожи бумажник с двумястами песет мелкими купюрами и несколькими монетами – на чаевые. Потом достал из большой жестяной коробки «Плейерс», доставленной ему из Лиссабона по каналам НИОС, двадцать сигарет и набил ими оба отделения черепахового портсигара, а его спрятал в правый карман смокинга. Потом ощупал себя, убеждаясь, что ничего не забыл, и обернулся к стоявшему в изголовье кровати ночному столику, где лежал пистолет. Это было его любимое оружие, и с июля нынешнего года Фалько с ним не расставался. Полуавтоматический «браунинг FN» 1910 года выпуска – шестизарядный пистолет бельгийского производства, плоский, надежный, простой в обращении, легкий в ношке, удобно лежащий в руке, снабженный тремя предохранителями и способный послать 9-мм пулю со скоростью 229 метров в секунду. Перед тем как принять ванну, Фалько довольно долго возился с ним – разобрал, тщательно вычистил и смазал, удостоверившись, что возвратная пружина, в этой модели расположенная вокруг ствола, ходит плавно и без задержки. Сейчас взвесил его на ладони, убедился, что снаряженная обойма с щелчком стала на место, а патронник пуст, и, завернув в платок, положил на полку в шкафу. Нечего, подумал он, идти на раут в казино со стволом в кармане, хотя там – уж время такое на дворе – не будет недостатка в мундирах, портупях и кобурах.

Оглядевшись в последний раз вокруг, он взял пальто и черную мягкую шляпу, набросил белое шелковое кашне, погасил свет и вышел из номера. В коридоре губы его раздвинулись в жестокой улыбке при отрадном воспоминании о том, что именно из такого «браунинга» 1910 года выпуска серб Гаврило Принцип застрелил эрцгерцога Франца-Фердинанда, развязав Первую мировую войну. Помимо дорогой одежды и английских сигарет, аксессуаров из серебра и кожи, облаток от головной боли, непредсказуемо-крутых житейских поворотов и красивых женщин Лоренсо Фалько любил многозначительные совпадения в деталях.

2. Вздохи Испании

Когда Лоренсо Фалько вошел в зал, духовой оркестр играл «Вздохи Испании»². Крытый внутренний двор казино, расположенный во дворце XVI века, был залит ярким светом, что несколько противоречило требованиям жесткой экономии, которую предписывали национальные интересы. Как Фалько и ожидал, вокруг было много людей в военной форме, перетянутых ремнями, в глянцево сверкающих сапогах, с поблескивающими кобурами на боку. Офицеры, как он заметил, были в немалых чинах – от капитана и выше, и почти все с эмблемами генерального штаба или интендантской службы, хотя кое у кого рука была на перевязи, а на груди – боевые награды, полученные за участие в совсем недавних и особенно ожесточенных сражениях под Мадридом, о которых вздох писали все газеты. Война напоминала о себе, но, несмотря на мундиры большинства гостей и общую воинственно-приподнятую обстановку, все это было бесконечно далеко от фронта. Дамы, хоть и держались с подчеркнутой скромностью – она стала чем-то вроде национального стиля: женщине отныне подобало быть созданием утонченным и нежным, верной подругой бойца, его невестой, женой и матерью, – были в элегантных туалетах, соответствовавших понятию «последний крик моды», которая изощрялась в стремлении совместить новые идеологические веяния с женской привлекательностью. Что касается мужчин, то среди защитных френчей мелькали кое-где более или менее корректные смокинги и – значительно чаще – темные костюмы, под которыми виднелись порой форменные голубые рубашки и черные галстуки «Фаланги». Гудели голоса, официанты в белых куртках кружили по залу с подносами, уставленными бокалами. Никто не танцевал. Фалько небрежно кивнул кому-то из знакомых, огляделся по сторонам и остановился, чтобы закурить, у широкой каменной лестницы, украшенной желто-красным полотнищем, с которого франкисты, взяв его несколько недель назад в бою, содрали нижнюю пурпурную республиканскую полосу.

– Лоренсо, какими судьбами? Я думал, ты за границей.

Фалько, не успев открыть портсигар, поднял глаза. Перед ними стояла пара – он и она. Мужчина по имени Хайме Горгель был в военной форме, с капитанскими звездочками на обшлагах, с пехотными эмблемами в петлицах. На женщине, тонкой, черноволосой – и незнакомой – отливало серебром кашемировое платье. В хорошем месте и за хорошие деньги купленное, определил Фалько. Глаз у него был наметанный.

– А я думал, ты на фронте, – ответил он.

– Недавно оттуда. – Офицер прикоснулся к виску, где под зализанными волосами угадывался кровоподтек. – Контузию получил. Говорят, сотрясение мозга.

– Да неужто?.. Сильное?

– Рикошетом задело. Фуражка, по счастью, смягчила удар. В Сомосьерре дело было. Мне дали неделю отпуска прийти в себя. Послезавтра возвращаюсь в часть.

– Как наши дела?

– Чудесно. Мы в двадцати километрах от Мадрида и развиваем наступление. Слух прошел, будто республиканцы эвакуировали правительство из столицы и убралась в Валенсию, так что, если повезет, к Рождеству все кончится... Ты знаком с Ческой, моей свояченицей?

Аромат «Амока». Духи дорогие, изысканные, редкие, в эти дни особенно – «Морок Востока» называют их в журналах мод. Фалько обстоятельно оглядел даму: светлые глаза,

² «Вздохи Испании» (*Suspiros de España*, 1902) – популярная музыкальная композиция Антонио Альвареса Алонсо, первоначально Марш королевской пехоты.

длинный нос, идеально вылепленный бюст, превосходная фигура. Таких женщин любил писать Ромеро де Торрес³. Качество выше среднего. Намного выше.

– Не имею чести.

– Рекомендую – Лоренсо Фалько, мой школьный товарищ. Мы несколько лет учились вместе в марианистском колледже в Хересе... Мария-Эухения Прието, жена моего брата Пепина. Мы все зовем ее Ческа.

Фалько поклонился и пожал протянутую руку. Он несколько раз видел ее мужа – Хосе Марию Горгеля, графа де Мигалоту. Сухой, надменный, вылощенный субъект лет сорока, страстный лошадиный и любитель скачек. Одно время они с ним были завсегдатаями одного и того же клуба фламенко и посещали одни и те же дорогие бордели в Севилье и Мадриде.

– А как поживает брат? – спросил он у Хайме больше из вежливости, но смотрел при этом на женщину. Это всегда и познавательно, и полезно – примечать, как реагирует замужняя дама на упоминание ее отсутствующего супруга.

– Хорошо, насколько я знаю, – отозвался тот. – С 18 июля⁴ в армии, получил под начало роту *регуларес*⁵. Он тоже где-то на мадридском фронте... под Навалькарnero, если не ошибаюсь... Хорошо звучит, а? Совсем как в старину – испанский гранд командует ротой мавров... Вечная Испания возрождается, сметая всю эту марксистскую нечисть.

– Грандиозно, – подтвердил Фалько.

И отметил про себя, что женщина уловила потаенный насмешливый смысл его отзыва. Но не успел решить, хорошо это в тактическом отношении или плохо, потому что из-за за ее плеча – обнаженного и прикрытого тончайшим газом, опять же в соответствии с новыми веяниями, – некто привлек его внимание. Марили Грангер, личный секретарь адмирала. Он удивился, увидев ее здесь, хотя удивляться было особенно нечему – Марили замужем за офицером Главного морского штаба, почему бы ей не появиться на приеме? Абсолютно в порядке вещей, что она здесь не сама по себе, а в качестве супруги. В глубине зала, за колоннами, возле фуршетного стола, Фалько различил белобрысую голову Ганса Шрётера – тот направлялся к двери маленькой гостиной.

Когда Марили закрыла дверь, оставив их наедине, Шрётер уставился на Лоренсо Фалько. В одной руке у немца был бокал с коньяком, в другой – гаванская сигара. Над жестким крахмальным воротником и галстуком-бабочкой выпирал кадык. Шрам поперек левой скулы добавлял лицу брутальности. Шрётер был высок ростом и худощав, с квадратным, тщательно выскобленным подбородком, с голубоватыми, как арктические льды, глазами, лишенными всякого выражения.

– Чрезвычайно рад познакомиться, – сказал он почти без акцента, если не считать чересчур раскатистого «р».

– Взаимно.

Они оставались на ногах, молча рассматривая друг друга; немец время от времени попыхивал сигарой и пригубливал коньяк. Тишину нарушала только доносившаяся издалека духовая музыка. Наконец Шрётер перевел глаза на дверь:

– Приятный вечер.

– Весьма.

– Кажется, с фронта поступают хорошие вести. Марксисты откатываются в беспорядке, со дня на день следует ожидать падения Мадрида.

³ Хулио Ромеро де Торрес (1874–1930) – испанский художник реалистического направления.

⁴ Вечером 17 июля 1936 г. в Испанском Марокко был поднят мятеж против республиканского правительства, положивший начало гражданской войне.

⁵ *Regulares* – регулярные туземные силы, элитная часть испанской армии, состоявшая из марокканцев.

– Говорят.

Скептическая реплика Фалько пробудила любопытство Шрётера – прихлебывая коньяк, он поглядел на собеседника еще внимательней:

– Вы знаете, кто я?

– Конечно.

– И что же вам сказал обо мне ваш шеф?

– Что в связи с неким заданием вы хотели бы посмотреть на меня.

Зрачки у Шрётера сузились:

– С каким заданием?

– Не сказал.

Немец продолжал смотреть на него пристально и пытливо. В гостиной стояли кресла, но никто из собеседников не выказал намерения присесть.

– *Sprechen Sie Deutsch?*

Фалько с улыбкой ответил на том же языке:

– Более или менее. Я некоторое время жил в Центральной Европе.

– А еще какие языки знаете?

– Французский и английский. Ну, и самую чуточку итальянский. Еще знаю все турецкие ругательства, проклятия и оскорбления.

Шутка разбилась о каменное лицо Шрётера. Он взглянул на столбик сигарного пепла, потом огляделся, ища, куда бы его стряхнуть, и легким движением указательного пальца отправил прямо на ковер.

– Раз уж речь зашла о турецком языке... Год назад в Стамбуле вы убили моего соотечественника.

Фалько выдержал его взгляд.

– Возможно.

Шрам на скуле как будто обозначился резче.

– Его звали Клаус Топека, он продавал военную оптику.

– Не знаю, не помню, – Фалько пожал плечами. – Не могу ничего сказать.

– Вы столько убили в Стамбуле и других городах, что всех и не упомнить?

Фалько промолчал. Он прекрасно помнил Топеку, торговца оружием, работавшего и на абвер. Дело было в ноябре 1935 года, еще до войны. А сделано это дело было быстро и чисто – выстрел в затылок на пороге дешевого борделя в квартале Бейоглу. Имитация вооруженного грабежа. Он получил приказ ликвидировать Топеку, который слишком глубоко залез в поставки оптических приборов, покупаемых у Советского Союза на деньги республиканцев. Цель указал Фалько сам адмирал, в ту пору еще возглавлявший испанскую разведслужбу в Восточном Средиземноморье. Забавно, подумал Фалько сейчас, как жизнь перетасовывает карты. Союзы. Дружбу и вражду.

– Ваш шеф отзывался о вас как о человеке, которому можно доверять. В высшей степени надежном. А задание вам предстоит деликатного свойства. Так говорите, вам ничего о нем не известно?

– Да. Говорю.

Шрётер долго молчал, задумчиво посасывая сигару.

– Ну, тогда и я не стану забегать вперед. Почти не стану, – сказал он наконец, выпустив дым. – Скажу лишь, что операцию обеспечивает германский флот. Для участия в ней выделен боевой корабль. Эсминец или подводная лодка – узнаем на днях.

Фалько решил сыграть наивность:

– В «красной зоне»?

Немец смотрел на него, не отвечая и явно прикидывая в уме, что Фалько знает и о чем умалчивает.

– В Картахене есть германский консул. Его зовут Санчес-Копеник, и он получил инструкции насчет вас. В нужный момент установите контакт.

– Мне никто ничего не говорил о Картахене.

Льдисто-голубые глаза оставались бесстрастны:

– Ну, вот я вам говорю. Пребывая в уверенности, что вы забудете название этого города, едва лишь выйдете отсюда.

Картахена и Аликанте. Испанский республиканский Левант. Фалько торопливо сообщал, что к чему. Материала для этого, по правде говоря, было мало.

– И что же мне надлежит там сделать? В чем задание?

– Об этом вам скажет ваш адмирал. – Шрётер снова попытлел сигарой. – Не моя епархия. Думаю, завтра состоится общее совещание с обсуждением всех частных дел.

Фалько мысленно поежился. Куда лучше было бы работать одному, на свой страх и риск и отвечать только перед адмиралом. ГГД для того и существовала. Но теперь, судя по всему, наступают иные времена. И то, что НИОС, фалангисты и немцы окажутся в одной упряжке, никак нельзя было счесть отрадной новостью. Все по старинному испанскому приговору: «Пастухам – ужин, барашку – вертел». И совсем уж неприятна перспектива самому оказаться этим барашком.

– Что еще? – спросил он.

Шрётер поставил пустой бокал на стол.

– Больше ничего.

– Это всё? – удивился Фалько.

– Все. Я хотел с вами познакомиться. Посмотреть вам в глаза.

– Профессиональное любопытство?

– Можно и так сказать. Мне рассказывали, что в двадцатом году вы с белой армией эвакуировались из Крыма. И даже были ранены.

Фалько бесстрастно выдержал его пристальный взгляд.

– Вероятно.

– Я был морским офицером и служил на «Мютце». Но вы-то ведь не русский. И были так молоды. Что вы там забыли? Как вас туда занесло?

– По делам.

– Нашли место делать дела. Там бывало жарковато.

– Случалось.

– Вы продавали оружие, так ведь? Немножко тем, немножко этим. Или работали на тех, кто продавал?.. На людей Захарова?

Фалько внутренне усмехнулся. С Василием Захаровым он познакомился на пароходе «Конте ди Савойя» за карточным столом. За пять дней плавания из Гибралтара в Нью-Йорк знаменитый оружейный барон проникся симпатией к самоуверенному и раскованному юноше-испанцу – Фалько только что выгнали из Морской академии, и семья отправила его в Америку в надежде, что там он возьмется за ум. Спустя полгода Фалько уже работал на Захарова и курсировал между Мексикой, США и Европой.

– Право, затрудняюсь вам сказать, – ответил он. – Запомнил.

Немец по-прежнему буквально сверлил его взглядом:

– А правда ли, что вы вели дела не только с русскими, а в ту пору поставляли еще оружие мексиканским революционерам и боевикам ИРА?

– Этого я уж совсем не помню.

– А-а, понимаю... И еще, кажется, вы бывали в Германии? В Берлине, не так ли?

– А вот это, представьте, я помню прекрасно. Оштукатуренные фасады, огни кабаре, фальшивая радость, которая через две улицы превращается в печаль. И все эти шлюхи в истертых шубах шепчут тебе: «Komm, süßer»⁶.

– Так было прежде.

– Прежде чем что?

– Прежде чем пришел национал-социализм.

– Ну, раз вы говорите...

Немец открыл дверь. Они вернулись в зал, где оркестр, перекрывая гул голосов, играл вступление из оперы «Лесной кот».

– Вы знакомы с господином Ленцем? – спросил Шрётер.

– Да.

Они остановились перед парой – рыжеватый господин держал под руку белокурую, очень высокую и дородную даму в черном атласе.

– Вольфганг Ленц и его супруга Грета. Кажется, вы уже встречались?.. Это Лоренсо Фалько.

– Да, мы знакомы, – подтвердил Ленц.

Он был не в смокинге, а в темном костюме. Дышал анисом, а в руках держал ополовиненный бокал. Пиджак, застегнутый на одну пуговицу, топорщился на изрядном животе. Вольфганг Ленц, представитель концерна «Рейнметалл» на юге Европы, в прошлом несколько раз пересекался с Фалько по делам. Они даже провернули однажды совместную торговую операцию в Бухаресте – очень выгодно сбыли трехтысячную партию винтовок «маузер», старых и неисправных. И оба получили недурные деньги. После мятежа Ленц стал заниматься снабжением армии Франко. Жил он с женой в отеле, и часто можно было видеть, как он, словно к себе домой, заходит в епископский дворец, где расположился Генеральный штаб каудильо.

– Оставляю вас в приятном обществе, – сказал Шрётер и отошел.

Фалько достал, открыл и протянул собеседникам портсигар. Ленц отказался, Грета взяла.

– Английские? О-о, спасибо! Люблю английские сигареты.

Она была на голову выше мужа, с грубоватым и вульгарным лицом, но вовсе не безобразна. Густые гладкие волосы до плеч. Ярко покрашенный рот. Вечернее платье сзади обтягивало могучий германский круп, а спереди щедрым декольте открывало полновесность плотных полушарий, которые – с юмором подумал Фалько – ни одна жительница нынешней богомольной и пресной Испании не решилась бы с таким простодушным бесстыдством выставлять напоказ.

– Интересные у вас друзья, – заметил Ленц, показав бокалом на удалявшегося Шрётера.

– Правильней сказать, «деловые партнеры», – сказал Фалько, поднося огонек зажигалки к сигарете, которую Грета уже вправила в янтарный мундштук.

Муж сделал глоток и взглянул на Фалько лукаво:

– Патриотизм и бизнес часто идут рука об руку.

Фалько прикурил сам и выпустил дым через ноздри:

– А как ваши переговоры?

– Грех жаловаться. Сами знаете, как это устроено... Генерал Франко нуждается в том, что я могу ему предоставить.

– Но это денег стоит.

– Разумеется. Но тут есть кому платить, так что все довольны. Германия и Италия сотрудничают и предъявят счета. Немедленно или чуть погодя. Я слышал, что Томас Фер-

⁶ «Пойдем со мной, миленький» (нем.).

риоль, ваш соотечественник, живущий во Франции, несет сейчас основное бремя расходов... Что-нибудь знаете об этом?

– Нет.

Поговорили еще немного. Грета открыла сумочку и попудрилась, распространив аромат «Элизабет Арден». Она поглядывала на Фалько с интересом, но для него это было в порядке вещей. Дамам обычно нравились его элегантные манеры в сочетании с чеканным профилем и дерзко-обаятельной улыбкой – выверенной до миллиметра, тысячекратно испытанной в деле, верно служащей чем-то вроде визитной карточки. Еще в юности ценой стремительных и горчайших разочарований усвоил он главный урок: дамы влекутся к джентльменам, но спать предпочитают с мерзавцами. Это непреложно, как математика.

– Хочешь анисовки, дорогая? – спросил Ленц.

– Нет, спасибо. – Она понизила голос и сказала не без упрека: – И тебе бы довольно, мне кажется.

– Ты преувеличиваешь.

Муж отошел за очередной порцией, а жена, повернув голову, наткнулась на спокойную улыбку Фалько.

– Вольфганг обожает Испанию, – сказала она через миг. – Ему здесь все по сердцу.

– Да уж вижу... А вам?

– Мне не так... – Она скорчила пренебрежительную гримаску. – Мне все кажется каким-то грязноватым, серым... Мужчины жестоки, чванливы, а женщины с этими своими мессами, четками... такую тоску наводят... Раньше тут было забавней – в Мадриде, Севилье или в Барселоне... – И окинула Фалько долгим, задумчивым взглядом: – Где мы с вами виделись в последний раз?

– В Загребе. Отель «Эспланада». На какой-то вечеринке.

Погрузившись в подсчеты, она вскинула брови: выщипанные в две тоненькие ниточки, отчеркнутые штришками коричневого карандаша. Глаза у нее были светло-карие, с соломенно-желтым отблеском.

– Да, верно. Вы были с какой-то дамой, с испанским офицером и с этим... итальянским писателем... как его? Малапарте! Мы с вами поболтали на террасе, но, к сожалению, недолго.

– Именно, – Фалько сделал точно рассчитанную паузу и нагло уставился в вырез ее платья. – К моему очень большому сожалению.

Грета Ленц восприняла его дерзость с восхитительной невозмутимостью. Должно быть, решил Фалько, для нее ловить на себе такие взгляды – что слышать «доброе утро». Давно привыкла, что на нее пялятся.

– Как-то непохоже, – сказала она, чуть помолчав. – Припоминаю, что ваша спутница была очень мила... Гречанка, наверно? Или итальянка?

Фалько смотрел на нее бесстрастно:

– У меня не было никакой спутницы.

– В Загребе?

– Да нигде не было.

Теперь Грета Ленц смотрела на него с насмешливым вниманием. Она уже собиралась что-то сказать, но тут оба издали увидели, что сквозь толпу протискивается муж. С новым бокалом в руке он остановился с кем-то поговорить.

– И где же вы здесь, в Саламанке, обитаете? – спросила она почти безразлично.

– Остановился в «Гранд-отеле».

Грета сощурилась от дыма.

– Какое совпадение. Мы тоже.

В половине одиннадцатого Лоренсо Фалько вышел на улицу. После одиннадцати начинался комендантский час, но отель был совсем рядом, и потому он не прибавлял шагу. Идти минут десять, и после табачного дыма, выпитого и шума хотелось немного проветриться. Он только что принял две таблетки аспирина с кофеином – частые мигрени были его ахиллесовой пятой, – и обезболивающее уже начало оказывать свое благотворное действие. От реки Тормес тянуло сыростью, и он слегка замерз. Но шел не торопясь, сунув руки в карманы пальто, стянув на груди кашне, надвинув шляпу до бровей, меж погруженных во тьму домов на улице Самора – ночь была безлунная, а город затемнен, оттого что опасались налетов республиканской авиации, – а потом пересек Пласа-Майор. Было безлюдно, и в тишине слышались только его шаги. Тьма стояла такая, что он скорее угадал, чем увидел полукружие арки и, прежде чем спуститься по ступеням, на миг задержался там, чтобы закурить. Но огонек привлек чье-то внимание, и несколько темных фигур вынырнули из подворотни внизу.

– Кто идет?

– Испания.

Это был обычный ответ в те дни. По металлическому лязгу передернутого затвора Фалько понял, что его остановил патруль, совершавший ночной обход своего участка.

– Пароль, – произнес тот же голос.

Но другим тоном – более властным. Раздраженным и высокомерным. Какой-нибудь сержант, не в духе от того, что ночь не спать, подумал Фалько. А может быть, и еще хуже – ополченец-фалангист, у которого палец зудит на курке от желания отличиться.

– Я не знаю пароль.

– Тогда бросай сигарету и руки вверх.

Обращение на «ты» не оставляло сомнений – это фалангисты. Фалько скривился, благо в темноте было не видно. Ружейный ствол уткнулся ему в грудь. Он повиновался, и несколько рук бесцеремонно обшарили его. Внезапно вспыхнувший фонарь ослепил.

– Откуда идешь?

– Из казино.

– А куда?

– В «Гранд-отель».

Из мрака донеслось невнятное перешептыванье.

– В городе комендантский час, – сказал прежний голос.

– Комендантский час только через пятнадцать минут.

– Погляди-ка – он еще и в шляпе...

– Красные в шляпах не ходят.

– Документы!

Подсвечивая себе фонариком, патрульный стал изучать то, что протянул ему Фалько. Обычное удостоверение личности, где под фотографией значились вымышленные имя, фамилия и севильский адрес. В пятне света мелькнула на рукаве суконной куртки повязка с вышитыми яромом и стрелами. Две темные фигуры стояли рядом. Еле различимые мрачные лица, отблеск света на стволах винтовок. Никакого тепла. Еще холодней, чем этот ночной воздух.

– Билет члена «Фаланги» есть?

– Нет.

– А другой какой-нибудь организации, входящей в Движение?

– Тоже нет.

– А-а, так ты из господ... дерьмо.

– Чего ж – правильно рассуждает! Пусть, мол, другие воюют, а мы будем развлекаться...

Фалько поборол искушение ответить, что и они ведь ошиваются в двухстах километрах от передовой. В провинциях, занятых мятежниками, весь сброд и все, кто привык держать нос по ветру, поспешили надеть голубые рубашки и записаться в так называемое Национальное Движение. При известном везении и полезных знакомствах, чтобы отсидеться в тылу, подальше от боев, лучше всего вступить в фалангистское ополчение. В засаде сидеть, как говорится. Эти «патриоты по случаю» могли безнаказанно сводить счеты с соседями, доносить на подозрительных, грабить их дома и даже расстреливать при свете фар где-нибудь на шоссе, а потом сбрасывать труп в кювет. С первых дней боевых действий военные власти передоверили этим людишкам карательные функции, и те исполняли их со зверской жестокостью. И мало общего было у них с фалангистскими центуриями, которые сражались по-настоящему и погибали на севере или под Мадридом.

– Следуй за нами, – сказал старший патруля.

Фалько усмехнулся. Самому себе. «Следуй за нами» в буквальном переводе значило: отведем тебя в казарму, а там измордуем и отберем все, что у тебя есть мало-мальски ценного. Сдавленный смешок все же прорвался сквозь зубы. Дилетанты. Болваны.

– Что смешного нашел?

Прежде чем заговорить, он сделал глубокий вздох. Голос его звучал очень спокойно:

– Смешно то, что, как ни крути, вариантов тут два. Первый – я вытащу портсигар, мы все возьмем по сигаретке, а потом разойдемся. Тихо и мирно. Второй – я пойду с вами туда, куда вы меня хотите отвести, и когда придем, я поговорю с командиром вашей центурии, а потом мы позвоним по телефону товарищу Поведу, начальнику СИРФ, или в генштаб каудильо, или в Главный морской штаб, или еще куда-нибудь... А завтра в это самое время вы будете уже в окопах под Навалькарnero доблестно спасать отчизну. В час добрый.

Все дело в интонации, думал Фалько, продолжая посмеиваться про себя. Важно не что ты говоришь, а как. Повисло долгое, плотное молчание, и, покуда оно длилось, он соображал, какими действиями подкрепить слова, если тех окажется недостаточно. Трое на одного – расклад не из лучших, тем более что слишком темно, чтобы прибегнуть к бритвенному лезвию «жиллет», запрятанному за ленту шляпы. Он хладнокровно размечал загодя неистовую хореографию этого классического падекатра, готовясь почти автоматически применить все, что умел, – раз-два-три. Хрясь. Бац. Головой в лицо тому, кто с фонарем, – если повезет, нос сломать, – ногой между ног тому, кто стоит ближе всех, – если повезет, попасть в пах, – а потом уже взяться за третьего, импровизируя на ходу. Темнота и приклад винтовки – если удастся вырвать ее из рук у кого-нибудь из троих – будут сильно способствовать удачному исходу. В крайнем случае для бегства открыта вся Саламанка. Ночь еще в самом начале.

– Что он там несет? – пробурчал один из фалангистов.

– Заткнись, дубина, – оборвал его старший.

Опять и так же надолго повисла пауза. Луч фонарика мгновение держал в пятне света лицо Фалько. Потом свет погас, а удостоверение Фалько оказалось у него в руке.

– Ладно, идите... А это вы всерьез насчет сигаретки?

Из бара в «Гранд-отеле» просматривался весь холл. Лоренсо Фалько, облокотившись о стойку, а ноги поставив на штангу высокого табурета, время от времени подносил к губам стакан и делал короткий глоток. В треугольной пепельнице с логотипом «Чинзано» было уже четыре окурка. Бар, выдержанный в международном довоенном стиле, оказался приятным заведением. Удобные табуреты обиты кожей. На стенах, отделанных деревом и хромированной сталью, развешаны фотографии голливудских кинозвезд.

– Я, пожалуй, попрошу у тебя еще один «хупа-хупа», Леандро.

– А я бы на вашем месте немного обождал, дон Лоренсо... Вы уже приняли два, а эта штука показывает себя не сразу.

– Молчу-молчу. Тебе видней.

Бармен Леандро был спокойный, седой, с меланхоличным рябоватым лицом. К этому времени они уже, можно сказать, подружились – Лоренсо Фалько считал нужным заводить добрые отношения с барменами, мэтрами, портье, гардеробщиками, лифтерами, чистильщиками ботинок и прочей обслугой, призванной облегчать жизнь постояльцев. Сражения – Фалько и этот урок усвоил прочно – выигрывают не генералы, а капралы. Что касается Леандро, то его специальностью был «хупа-хупа» – коктейль из мартини, водки, вермута с добавлением нескольких капель апельсинового сока. После начала мятежа администрация из патриотических побуждений или обычного благоразумия заменила водку на галисийское *орухо*⁷. Фалько так даже больше нравилось.

Около полуночи он наконец увидел, как в холл входят супруги Ленц. Муж в расстегнутом пальто, со сбитой на затылок шляпой еле переставлял ноги, опираясь на руку жены. Пройдя вертящуюся дверь, споткнулся на ковре и чуть было не упал. Грета в норковом манто поверх вечернего туалета была чем-то явно раздражена. Они уже направлялись к лифту, когда она взглянула в сторону бара и заметила Фалько. Никак не показав, что узнала его, проследовала с мужем дальше и скрылась из виду.

– Нет, все же дай мне еще один, Леандро. И себе налей чего-нибудь.

Удовлетворенно прислушиваясь к звукам, которые извлекал из шейкера бармен, артистично его потряхивая, Фалько вытянул очередную «Плейерс». Последнюю в портсигаре.

– У тебя есть сигареты?

– Только рассыпной канарский табак. И бумажка для самокруток.

– Вот ведь черт.

Бармен наполнил стакан, а остатки коктейля перелил в другой. Фалько поднял свой, поглядел на свет:

– Да здравствует Испания, Леандро!

– Да здравствует, дон Лоренсо.

– Да сгинут Ленин и Сталин! И Дуглас Фэрбенкс.

– Верные ваши слова, дон Лоренсо.

– Россия виновата!

– По самые эти самые.

Они сдвинули стаканы и выпили: бармен – как всегда, с невозмутимой серьезностью, Фалько – с улыбкой. И не успел еще поставить стакан, как в бар вошла Грета Ленц.

Они даже не поцеловались, пока Фалько не запер дверь номера, оставив ключ в замке – муж, даже мертвецки пьяный, есть муж. Пока все шло с холодной естественностью: короткий и банальный разговор у стойки, причем Леандро тактично отодвинулся в глубь бара, а потом женщина без лишних слов, без предварительных договоров допила свой стакан и, безмолвной соучастницей поднявшись с табурета, первой направилась к лифту, а замерший у стойки Фалько наблюдал красноречиво-зазывное покачивание бедер под тонкой тканью вечернего платья, мощную тевтонскую спину, белокурые прямые волосы до плеч. Выждав по часам на запястье ровно три минуты, он положил на стойку две бумажки по пять песет, быстро переглянулся с непроницаемым барменом и двинулся в свой номер. Успел снять смокинг, бабочку и крахмальный пластрон, когда в дверь постучали. И вот теперь они наедине. Крепят узы братства между новой Германией и напористой юной Испанией.

Фалько почти сразу же убедился, что Грета Ленц – существо довольно распутное. Чего другого и ждать от немки. Как нельзя лучше подходящее для дел такого рода, на что прозрачно намекнул хорошо, судя по всему, осведомленный адмирал. Языком она действовала

⁷ Орухо – крепкий алкогольный напиток, по типу напоминающий граппу или чачу.

с удивительной сноровкой, сама получая удовольствие от своей работы, так что Фалько пришлось вскоре приложить известные усилия, чтобы все это не завершилось досрочно преждевременным извержением. Он поспешил отвлечься на посторонние мысли о генерале Франко, о предстоящем задании, о недавней встрече с тремя фалангистами, и это слегка охладило его и позволило обуздать себя. Тут подтвердилось, что у Греты не только умелый и жадный рот, но и великолепное тело. К этому времени одна из лямок вечернего платья уже сползла, полностью оголив плечо и изобильно-щедрую, как раз во вкусе Фалько плоть – свободно колышущуюся, налитую, с темным торчащим соском изрядного размера. Истая валькирия с ярким лаком на ногтях рук и ног, источающая на этот раз аромат «Суа де Пари». Прежде чем зайти к нему в номер, она (опытность – мать предусмотрительности) уже избавилась от лифчика, панталончиков, пояса с чулками, и, по мнению Фалько, эта техническая процедура облегчает процесс. И заслуживает всяческой благодарности, ибо дает возможность приступить прямо к сути. Он ласкал ее груди, покуда она заглядывала все, что позволяла заглотнуть мужская анатомия. Под черным атласом очертания крупного мускулистого тела особенно радовали глаз.

– Тебе сегодня... можно? – учтиво осведомился он.

– Глупости не говори.

Успокоившись в этом отношении, он потянул подол кверху. Пейзаж и там открылся пленительный. Меж крепких белых ляжек обнаружилась светлокудрявая поросль и ниже – удобно расположенная портативная Валгалла, как определил ее после краткого размышления Фалько. Просторно, горячо, удобно. Просто прекрасно. Бывали у него ночи и похуже.

– Подожди, – сказал он.

И с проворством, которое достигается годами практики, принялся – действуя одной рукой, а другой не покладая – снизу вверх снимать башмаки, носки, трусы, брюки, сорочку. Методично. В строгом порядке. Когда он дошел до последних пуговиц на рубашке, Грета подалась чуть назад. Она стояла перед ним на коленях, в платье, ужавшемся до размеров атласной оборочки на бедрах, и глядела с явным одобрением. Соломенные сполохи в карих глазах замерцали ярче.

– Как ты хорош, мой маленький испанчик. Очень хорош.

– Спасибо.

Фалько тоже опустил на колени и вдвинул два пальца в ее влажное устье. Грета улыбнулась.

– Скажи мне: «Потаскуха!»

– Потаскуха.

Похабная улыбка стала шире.

– А теперь скажи: «Сучка!»

– Сучка.

Он хотел было опрокинуть ее на ковер, но она со смехом выскользнула из рук. Потом развернулась спиной, стала на четвереньки. Заколыхались, свесившись, тяжелые германские груди. Не хватало только Вагнера.

– Возьми меня сзади, – приказала она.

3. Миссия в Леванте

Штаб-квартира СИРФ размещалась в доме на улице Консуэло, возле башни Клаверо. Один охранник в голубой рубашке с португеей и пистолетом на боку стоял в вестибюле, второй – у лестницы на верхние этажи. Та же лестница вела вниз, в подвал, снискавший себе в те дни зловещую известность, и к черному ходу, откуда на рассвете из подземелья выводили со связанными руками арестованных – синдикалистов, коммунистов, анархистов и прочих приверженцев Республики, – которых через несколько часов находили без признаков жизни на горе Ла-Орбада или у кладбищенской ограды. И местные полицейские врачи, не склонные усложнять себе жизнь политическими тонкостями, обозначали их в протоколах под иносказанием: «Погиб в результате применения огнестрельного оружия».

– А тебе идет мундир, – заметил адмирал, когда они с Лоренсо Фалько поднимались по лестнице. – Надевай почаще.

– У меня на него аллергия, – Фалько запустил палец под воротник белой сорочки, повязанной безупречным черным галстуком. – Сыпь начинается.

– Терпи. – Адмирал достал платок и очень звучно высморкался. – В таких обстоятельствах военная форма творит чудеса. Тем более твоя флотская тужурка... золотые пуговицы... на рукавах по два галуна с колобашками, фуражка с крабом... Очень, очень respectable вид у тебя, прости за прямоту... Хорошо, что ты хоть время от времени для разнообразия становишься похож на офицера.

– Вы мне, господин адмирал, прямо отец родной... Всегда найдете, чем укрепить и поднять дух.

– Когда придем, будь так добр, клоунады свои отставить. Поведра – человек опасный.

– А вы – нет?

– Это птица другого полета. И опасность от нее другая.

Анхель Луис Поведра вышел им навстречу из-за стола, над которым висел портрет Хосе Антонио Примо де Риверы, основателя «Фаланги». Поведра был средних лет, полноватый, бритый, седой, курчавый господин с изящными руками. В очках. На столе, заваленном бумагами, стояли два флажка: желто-красный – национальный и красно-черный – партийный. 9-мм длинноствольный пистолет «астра» (эта модель в обиходе называлась «синдикалист») лежал на бумагах чванливым пресс-папье.

– Капитан-лейтенант Фалько. Анхель Луис Поведра, – представил их адмирал.

– Рад познакомиться. Прошу садиться.

У него был очень явственный андалузский выговор. Фалько подумал, что его мирная наружность противоречит послужному списку. Член «Фаланги» с момента ее появления – на партийном жаргоне таких называли «старые рубахи», – крупный севильский землевладелец, 18 июля он принял участие в военном путче. И первым его патриотическим актом стал расстрел пятерых поденщиков, работавших на его землях: одному за другим он пустил им пулю в лоб, «pour decourager les autres»⁸, как объяснил он французскому журналисту, бравшему у него интервью. Когда основателя «Фаланги» после начала войны республиканцы посадили в тюрьму в Аликанте, Поведра вошел в руководство партии, и военные поручили ему карательные акции в провинциях, занятых мятежниками, имея в виду сохранить по возможности чистыми руки армии и жандармерии. Из своего кабинета на улице Консуэло шеф СИРФ координировал и подпольные действия «пятой колонны» в тылу республиканцев.

– Сеньор Фалько осведомлен о сути задания? – спросил он у адмирала.

– Не имеет ни малейшего понятия.

⁸ «Чтоб другим неповадно было» (фр.).

Фалангист рассматривал гостя, впери в него маленькие недоверчивые глазки за стеклами круглых очков. Он уселся за свой стол и барабанил пальцами по зеленой обложке какой-то папки. Намеренно, разумеется. Фалько, и не читая того, что было на ней написано, знал, что это его досье.

– У вас богатая биография, – сказал Повед, нарушив наконец молчание.

– У вас тоже, насколько я знаю, – ответил Фалько и тут же получил укоризненный взгляд адмирала.

Поведа несколько секунд смотрел на него, не произнося ни слова. Потом изобразил на лице некую ужимку, недотягивавшую до улыбки. И, не поворачиваясь, ткнул большим пальцем себе за спину, где на стене висел портрет основателя «Фаланги».

– Что вам о нем известно?

Фалько скрыл удивление и подавил желание обернуться к адмиралу. Вопрос застал его врасплох.

– Видел его как-то раз в Хересе, – сказал он после минутного раздумья. – И братьев его тоже.

– Если встретите, сможете узнать?

– Конечно.

– Я имею в виду в необычных ситуациях. В особых условиях.

– То есть?

– Ну, например, ночью, в полутьме...

– Думаю, да, если увижу его лицо.

Поведа оценивающе смотрел на него.

– А что еще вы о нем знаете?

– То же, что и все, наверно. Адвокат, сын генерала Примо де Риверы... Образованный, воспитанный, приятной наружности, любит женщин, знает языки. По взглядам ближе к Муссолини, чем к Гитлеру... Убежденный фашист, три года назад основал испанскую «Фалангу». Еще знаю, что в марте республиканцы его посадили, а в июле, когда произошел переворот, он еще оставался в тюрьме Аликанте. И по сию пору там.

– Вы симпатизируете делу, за которое борется «Фаланга»?

Фалько бесстрастно выдержал его взгляд:

– Я много чему симпатизирую.

Поведа скосил глаз на зеленую папку. Потом упер в нее палец.

– Насколько я понял, в первую очередь себе самому. Своему делу, каково бы оно ни было.

– Главным образом.

Адмирал покашлял. Потом достал платок, издал обычный трубный звук и прокашлялся снова. Правый глаз метнул молнию в фалангиста.

– Мы здесь не за тем, чтобы рассматривать политические симпатии капитан-лейтенанта Фалько, – заговорил он раздраженно. – Это человек, беззаветно преданный Национальному Движению, агент в высшей степени умелый, отважный и эффективный... С 18 июля выполняет важнейшие поручения – важнейшие и чрезвычайно рискованные. Именно поэтому и намечен для предстоящей операции. И этого довольно.

– Ну, разумеется, – согласился Повед. – Тем не менее всегда полезно знать, кто на какую ножку припадает.

Фалько вынул портсигар, взял сигарету. Щелкнул зажигалкой.

– А я вообще не хромаю.

– Довольно, я сказал! – рявкнул адмирал; потом перевел взгляд на Поведу: – Давайте к делу. Вы сформулируете задачу или мне доверите?

Фалангист откинулся на спинку кресла, посмотрел на пистолет, придавивший бумаги, а потом на Фалько.

– Мы хотим освободить Хосе Антонио, – выпалил он в упор.

Фалько уже минут десять опасался услышать именно эти слова. Особенно то, что будет относиться непосредственно к нему.

– Кто «мы»? – осведомился он.

– Мы. «Фаланга». Благородная и достойная Испания. Место основателя нашей партии – здесь, в Саламанке. Дело его – приближать рассвет над новой Испанией. Руководить товарищами.

Он взял сложенную вчетверо карту и расстелил ее на столе. И показал на участок побережья, включавший Картахену и Аликанте.

– Кое-кто злонамеренно распускает слухи, будто Франко устраивает, чтобы Хосе Антонио оставался за решеткой. Дескать, устраняет соперника. Рассуждающие так не имеют ни малейшего представления о том, что на самом деле думает каудильо. И мы докажем это... Генеральный штаб очень одобрительно отнесся к идее провести дерзкую операцию по освобождению нашего вождя, – тут он взглянул на адмирала, как бы прося подтвердить. – И предложил оказать нам всяческое содействие.

– Да, – кивнул адмирал. – И поэтому мы здесь.

Поведа показал несколько мест на карте:

– В тылу у красных есть наши люди. Смелые и надежные. Предполагается высадка небольшой отборной группы фалангистов, которая присоединится к тем, кто уже находится на месте.

– Силовая акция? – поинтересовался Фалько.

– Да. Захват тюрьмы в Аликанте.

– А уходить как?

– Морем.

Адмирал кивнул:

– В разработке плана участвуют наши итальянские и германские друзья, – сказал он, склоняясь над картой. – Пока это предварительно... – Он показал какую-то точку. – Вот здесь, возле мыса Санта-Пола Хосе Антонио и его освободителей должны будут подобрать.

– А от меня что требуется?

Поведа оделил его еще одной полуулыбкой. Второй. Он явно был не слишком на них щедр.

– Самое главное. Перейдете границу, свяжетесь с пятой колонной в Картахене – там нечто вроде оперативной базы и происходит предварительное планирование. Передадите им инструкции и проконтролируете ход подготовки. Потом по суше доберетесь до Аликанте для захвата тюрьмы. В ночь атаки к вам присоединится десант.

– И где же это будет?

Адмирал ткнул еще в какую-то точку:

– Вероятней всего, вот здесь. Там обширные сосновые леса и низина, тоже поросшая сосняком. Место называется Ареналь.

– Какое оружие?

– Гранаты, пистолеты, ручные пулеметы, – ответил Поведа. – В тюрьме есть наши сторонники. И надзиратели, и кое-кто из администрации. Вы знаете Картахену?

– Знаю.

– А Аликанте?

– Знаю.

– Превосходно. Я уже сказал: ваша задача – обеспечить координацию и взаимодействие. Все подготовить к сроку.

– А почему вы не поручите это дело кому-нибудь из ваших... фалангистов?

Поведа взглянул на адмирала – и сразу же на Фалько:

– У вас в НИОС имеются опыт, связи, средства. Наши товарищи пока еще зелены. Потому вам придется координировать предварительную стадию операции... Старший нашей группы возьмет командование на себя лишь перед началом штурма. Но всё, за исключением чисто военных вопросов, – на вас.

Фалько с улыбкой выпустил облачко дыма.

– И ответственность тоже, если что вдруг не заладится... Воображаю...

– Это уж как водится.

– Ну, и кто же возглавит штурмовую группу?

– Проверенный и очень надежный товарищ. Сейчас он возвращается из Альто-дель-Леон... Герой войны. Зовут его Фабиан Эстевес – вы познакомитесь сегодня вечером или завтра утром, как только он приедет в Саламанку. Мы запланировали вашу встречу для обсуждения всех деталей... – Он взглянул на часы. – Я, к сожалению, присутствовать не смогу, потому что совсем скоро уезжаю в Севилью.

– Ну а что мне делать, когда они со спасенным – если, конечно, все пройдет гладко, – погрузятся на судно?

– У вас выбор: возвращаться вместе с ними или самому. Ваша работа на этом кончается.

Фалько кивнул, коротко глянув на адмирала. Он ждал от шефа хоть слова, хоть жеста. Чего-нибудь для завершения разговора. Но адмирал хранил равнодушное молчание. И оно не могло не тревожить.

Открытая терраса кафе «Новелти» была залита солнцем. Сидя под одной из арок на площади, совсем рядом со зданием магистрата, где с балкона свисал государственный флаг, Лоренсо Фалько слушал адмирала. Был час аперитива, и потому они заказали вермут и оливки. За соседними столиками сверкали начищенные сапоги, роились защитные офицерские френчи, кожаные куртки поверх голубых рубашек, красные карлистские береты, легионерские пилотки с кисточками, фуражки. Чуть только покинув кабинет Поведы, Фалько хотел немедля вернуться в отель и переодеться, но адмирал не пустил. Я, сказал он, желаю выпить с тобой, покуда ты в форме. Тут, в Саламанке, сроду не видели флотских офицеров, так что пойдем-ка покажем наш флаг. Пусть видят, что и мы, моряки, вносим свою посильную лепту в священное дело освобождения Испании от марксистского варварства, от либерального масонства и от всякого такого зловредного прочего.

– Да какой я моряк...

– Мне решать, кто моряк, а кто нет. Кем скажу, тем и будешь.

И вот сейчас, понизив голос и посасывая то вермут, то пустую трубку, адмирал сообщал Фалько кое-какие дополнительные подробности предстоящего задания. В тюрьме Аликанте заместителем начальника служил некий субъект, который отправился навестить семью сюда, во франкистскую зону, и был схвачен. И посажен в тюрьму здесь, в Саламанке, за приверженность социалистическим идеям. Его, разумеется, ликвидируют, но сначала он может быть полезен – нарисует план своего исправительного заведения и опишет его внутреннее устройство.

– Зачем ему сотрудничать, если все равно расстреляют? – возразил Фалько.

– У него есть семья, не забывай. Можно будет надавить с этой стороны.

– И когда же я его увижу?

– Завтра, когда прибудет этот... фалангист. Пойдете вместе.

– А что известно про этого Фабиана Эстевеса?

– Начальство за него ручается головой. Молод. Сметлив, что называется. Не из тех, кто отсиживается в тылу и неизменно примыкает к победителям. Учился на юридическом, рас-

пространял фалангистские газетки да не где-нибудь, а в рабочих кварталах... Одной рукой распространял, другой – ствол в кармане держал. Партийный билет номер тридцать с чем-то, так что сам понимаешь... Участвовал в мятеже в Толедо, а когда подавили, отбивался в Алькасаре вместе с генералом Москардо, пока город не освободили. Ну и вот, вместо того, чтобы шляться, как все, по кафе и врать о своих подвигах, пошел добровольцем на фронт: под Гуадаррамой дрался, говорят, как лев.

– По описанию человек подходящий.

– Ну да. Работает не языком, а руками, но зато как надо. Остальное – твое дело.

Фалько замолчал на минуту. Он складывал мозаику, но кое-каких кусочков не хватало.

– А почему я? – спросил он наконец.

– Ничего лучшего у меня нет.

Мгновение они смотрели друг другу в глаза. Познакомились они, когда Фалько торговал оружием, адмирал же стоял перед выбором – ликвидировать его или взять на свою службу. Наконец, после ночи за водкой, сигарами и беседами в румынском порту Констанца – у причала стояло судно, куда Фалько собирался погрузить двадцать пулеметов «максим» советского производства, – адмирал решил и предложил работать на правительство тогда еще совсем юной Республики, а позднее, накануне событий 18 июля – против нее. Разумеется, придерживайся адмирал иных воззрений, он запросто убедил бы Фалько примкнуть к другому лагерю. Тот, услышав про готовящийся военный переворот, спросил только: «Мы за или против?»

– Я еще не успел тебя спросить, как прошла твоя встреча со Шрётером.

– Хорошо прошла.

– Что за темы были затронуты?

В косоватом двухцветном взоре читался искренний интерес. И предостережение, внятное Фалько.

– Говорили о задании, хотя и немного, – ответил он. – Подтвердил, что германский флот примет участие в этой... затее... Еще расспрашивал о моей юности, когда я делал дела с белыми русскими, и всякое такое. Судя по всему, он в те годы тоже плавал по Черному морю на одном из кораблей международных сил.

– Какое совпадение.

– Не более того.

В глазу адмирала блеснула искорка насмешливого интереса:

– Это когда тебя ранили при отступлении к Севастополю и ты, как последний болван, чуть было не попался красным в лапы?

– Люди любят болтать... – Улыбка Фалько была так невинна, что убедила бы даже налогового инспектора. – И чего только не наболтают.

Губы адмирала, сжимавшие мундштук трубки, дрогнули в улыбке.

– Это же самая темная часть твоей биографии. Немудрено, что кое-кому очень интересно.

– Да ничего интересного... После отчисления из академии родители отправили меня подальше, к родственникам, в надежде, что я возьмусь за ум. Я и взялся, но не за ум, а за дела... Ну, вы все это знаете – слишком даже хорошо.

– Знать-то я знаю, но иногда, глядя, как ты ловко притворяешься таким пай-мальчиком, – забываю. Ты даже мне умудряешься впарить, как у нас говорят, вместо вороной кобылы крашеную ослицу.

– Обидные ваши слова, господин адмирал, – улыбнулся Фалько.

– Будешь дерзить – пеняй на себя. В цепи закую, в узилище брошу.

– Да? А кому же тогда плясать с самой уродливой?

– Молчать, я сказал.

– Есть молчать, господин адмирал!

Правый глаз адмирала продолжал мерцать каким-то непривычным огоньком. Фалько подался вперед:

– Вы мне чего-то пока не сказали, а? Такое, что мне положено знать?

Адмирал примолк ненадолго. Потом покачал головой и сразу же понизил голос:

– Каудильо лично в этом заинтересован... Вчера я виделся в штабе с ним и с его братом Николасом, и он сказал мне открытым текстом. Хочет, чтобы знатный пленник был доставлен сюда. Любой ценой. Судя по всему, на Франко сильно давит Муссолини, который очень симпатизирует «Фаланге».

– Что же, это очень благородно со стороны каудильо, – с насмешкой произнес Фалько. – Если учесть, что в конце концов ему придется отдать власть.

Адмирал задумчиво разглядывал последнюю оставшуюся на блюде оливку.

– Вот в этом я как раз не уверен. Генерал Франко – галисиец.

– Как и вы.

– Более или менее, – улыбнулся тот.

– А если верить поговорке, встретишь галисийца на лестнице – не поймешь, вверх он идет или вниз.

Улыбка стала шире.

– По каудильо не скажешь даже, идет он или стоит.

Фалько наколот оливку на зубочистку и положил в рот. От наплывшей тучи на площади стало темно.

– В равной мере, господин адмирал, это относится и к вам.

Он заметил Ческу Прието, когда они уже поднимались из-за стола. Она появилась из-под арок и, пересекая площадь, прошла перед столиками: во взгляде, которым проводил ее Фалько, читался живой интерес. На ней было очень элегантное светло-коричневое суконное пальто с бархатными отворотами, а на голове – мужского фасона шляпа с узкими полями и перышком на тулье. Адмирал перехватил взгляд Фалько, опять опустившегося на стул.

– Знаком с ней?

– Меня представили ей вчера вечером в казино. Ее деверя знаю хорошо.

– А мужа?

– Шапочно, – Фалько все же встал и поправил узел галстука. – Прошу прощения...

Адмирал, продолжая посасывать пустую трубку, наблюдал за ним и явно забавлялся.

– Эта птичка высокого полета, мой мальчик.

– Насколько высокого?

– Я знаю, кто у этой дамы в любовниках... Один, видишь ли, командует нашей авиацией и приходится кузеном генералу Ягуэ⁹, а другой – маркиз де чего-то там.

– Действующие любовники?

– Вот на этот счет данными не располагаю. Однако Пепин Горгель, ее муж, – тварь довольно ядовитая. И при пистолете.

– Ничего, он сейчас на фронте, под Мадридом, – ответил Фалько. – Родину защищает.

Он одернул свою темно-синюю тужурку. Сдвинул фуражку немного набекрень и на самые глаза. Улыбнулся:

– Ну, как я выгляжу, господин адмирал?

Тот оглядел его критически:

– Даже в форме ты – вылитый альфонс.

⁹ Хуан Ягуэ Бланко (1892–1952) – один из наиболее прославленных испанских военачальников-франкистов, командующий вторым Иностранным легионом.

- Эх, не по той стезе я пошел.
- Прочь с глаз моих.

Ускорив шаг, он догнал ее на выходе из галереи. Ческа словно бы удивилась его появлению. Он очень непринужденно притерся борт к борту, снял и взял под мышку фуражку, прежде чем склониться к протянутой ему руке в лайковой перчатке. Какой счастливый случай, какая чудесная погода, какой солнечный день и все прочее. Фалько с безупречной учтивостью исполнял светский ритуал встречи, которая, казалось, была приятна этой женщине. Глаза ее, напоминавшие цветом незрелую пшеницу, а от солнца посветлевшие, сияли. И, по мнению Фалько, создавали пленительный контраст смуглой коже и дерзко торчащему носу, заставляя предположить, что была у нее в роду какая-нибудь цыганская плясунья с бубном, а потом несколько поколений знойных красавиц обретали утонченность и изысканность в мастерских художников, на выложенных изразцами патио, в роскошных гостиных провинциальных столиц. Фалько, вспомнив слова адмирала про командующего авиацией и про маркиза, а потом и про мужа, на мадридском фронте получившего под начало роту марокканцев, почувствовал, как вдруг что-то заняло в душе, и в этом странном ощущении беспорядочно слились воедино ревность, азарт соперничества и вожделение.

- Далеко ли собрались, Ческа?
- В Комитет патриотической помощи. У меня там кое-какие дела.
- Это восхитительно... Вносите посильный вклад в наш национальный крестовый поход?
- Ну а как же иначе может быть? – ответила она с шутливой обидой. – Это долг каждой испанки.
- Вы правы, правы. Позвольте вас проводить.
- Кто же вам не дает?
- Они медленно двинулись по улице Бордадорес.
- Вы, я вижу, тоже в крестonosцы подались? – сказала она, глазами показав на его военно-морскую форму.
- Не мог остаться глух к стенаниям отчизны.
- И нужды нет, что до ближайшего моря триста километров?
- Ну, в наше время расстояние – не преграда.
- Это верно, – она еще несколько раз окинула его оценивающим взглядом. – Так или иначе, форма вам очень к лицу.
- Редко приходится носить.
- Я так и подумала. Вчера мне показалось, что смокинг вам привычней. И мой деверь это подтвердил.
- Славный малый Хайме... Что он вам обо мне рассказывал?
- Если коротко – что вы «шальная пуля».
- А если в подробностях?
- Что вы из хорошей семьи. Что нахал и волокита. Что вас выгоняли отовсюду, где вы учились. Что родители послали вас за границу, чтобы образумить, и хотя неизвестно, чем вы там занимались, совершенно очевидно, что чем-то сомнительным... Хайме не сказал лишь, что вы – морской офицер.
- Это так... временно. Пока война идет.
- Надеюсь, она скоро кончится. Все твердят в один голос, что Мадрид будет взят еще до Рождества.
- И тогда вернется ваш муж.
- Зеленая искра вспыхнула в ее глазах. Вспыхнула и погасла. И невозможно было определить, рассердил он Ческу или позабавил.

– Вы всегда такой?

– Какой такой? – улыбнулся Фалько.

– Такой самодовольный. Такой самоуверенный.

– Нет... День на день не приходится.

– Но сегодня как раз такой день?

Он устремил на нее взгляд пай-мальчика. Направленный прямо в глаза.

– От вас зависит.

– Вы мне льстите.

– Это входит в мои намерения.

Они остановились на миг. Она посмотрела на Фалько, задумчиво склонив голову, и пошла дальше.

– Я хочу вас видеть, Ческа.

Она шла, не поднимая головы, и по-прежнему смотрела вниз, но не прямо себе под ноги в туфлях на высоком каблуке, а чуть вперед.

– В чем же дело? Смотрите.

– Я хочу с вами увидеться, когда окажете всю свою патриотическую помощь. Сегодня.

Позвольте мне пригласить вас пообедать.

– Это невозможно. У меня назначена встреча.

– Тогда вечером.

– Тоже не получится. Мы с приятельницами идем в «Колизей» на «Арагонскую честь»¹⁰... Я без ума от Имперью Архентины и Мигеля Лихеро...

– Да ведь вы уже видели этот фильм! Вся Испания двадцать раз его видела.

Когда она подняла наконец голову, Фалько заметил изумрудные искорки насмешки.

– А что вы мне предлагаете вместо этого?

– Выпить в каком-нибудь приятном месте. – После секундного колебания он решил рискнуть: – Бармен в «Гранд-отеле» сбивает замечательные коктейли.

Выстрел оказался в молоко.

– Вы в своем уме? Вы полагаете, я отправлюсь с посторонним мужчиной в бар отеля?!

– Если угодно, я буду сопровождать вас в форме, вот как сейчас. Это будет выглядеть пристойней...

– Никакая форма не изменит вашего непристойного содержания, сеньор Фалько. Скорей наоборот.

– Пожалуйста, зовите меня просто Лоренсо.

– Я никак не буду вас звать, – она показала на здание Комитета. – Тем более что мы уже пришли.

Фалько не признал себя побежденным. Он умел толковать взгляды женщин. И проникать в потаенный смысл их молчания.

– Возле Римского моста есть отличный ресторанчик, – сказал он хладнокровно. – Погода прекрасная. Мы могли бы прогуляться туда... посмотреть на закат.

– Бо-оже... – протянула она ехидно. – Да вы ко всему еще и романтик.

Фалько вновь превратился в хорошего мальчика. Он давно уже заметил, что она больше смотрит не в глаза ему, а на его губы. И иногда на руки.

– Да нет... – возразил он. – Едва ли... Ну, бывает изредка. Находит временами.

Женщина вдруг расхохоталась – звонко и почти ликующе.

– Вам не надоело постоянно играть соблазнителя?

¹⁰ «Арагонская честь» (*Nobleza baturra*, 1935) – испанская музыкальная трагикомедия, снятая режиссером Флорианом Реем по одноименной пьесе Хоакина Дисенты и пользовавшаяся огромным успехом; Имперью Архентина сыграла с ней главную роль крестьянки, опороченной злыми слухами.

– А вас не тяготит постоянно быть обворожительной?

Она посерьезнела, однако глаза цвета незрелой пшеницы продолжали смеяться.

– Послушайте, сеньор Фалько...

– Лоренсо.

– Все это очень напоминает назойливое домогательство.

– Да, я был назойлив. Дело за домогательством.

Какую-то секунду он ожидал, что получит пощечину. Но Ческа лишь навела на него неподвижный и пристальный взгляд и смотрела так долго, что Фалько решил, будто все уже потеряно. Но вот наконец она крепче прижала сумочку к боку и странно тряхнула головой – так, словно издали до нее долетел какой-то звук, и теперь она пыталась его распознать.

– Завтра в полдень приходите к вашему этому ресторанчику у моста, – тускло произнесла она.

– Буду. А в котором часу придете вы?

– А я не сказала, что приду.

Фалько кивнул, соблюдая правила игры:

– Да, конечно. Не сказали.

4. Безгрешные палачи

Тюрьма в Саламанке когда-то строилась в расчете на сотню заключенных, но с 18 июля там сидело больше тысячи. И это было заметно. Невероятные скученность и теснота. Военно-полевые суды и казни не успевали разгружать камеры, которые тотчас же заполнялись вновь. Новая Испания – оплот веры и национализма – спешила выполоть дурную левацкую траву, в чем большую услугу оказывали ей так называемые *переводы*: появлялись группы фалангистов или карлистов со строгим предписанием перевести таких-то и таких-то арестантов в другую тюрьму, до которой те так и не добирались, а оканчивали жизнь в придорожных канавах, в оврагах, прудах – это еще называлось *пустить погулять*. И Лоренсо Фалько думал об этом, пересекая тюремный двор и поглядывая на вышки, откуда торчали винтовки жандармов.

– Невеселое место, – сказал Фабиан Эстевес.

Фалько поглядел на него с любопытством. Они познакомились три часа назад в кабинете адмирала. Оба явились в штатском. У Эстевеса был квадратный подбородок, а взгляд – одновременно и энергичный, и отстраненный, будто затуманенный годами подполья и непрестанного напряжения, к которым в последнее время прибавились еще война и тюрьма. Черные припомаженные волосы он зачесывал назад, открывая широкий лоб с залысинами, и это придавало ему сходство с Хосе Антонио Примо де Риверой, его вождем. Фалько он понравился. Воспитанный, мрачноватый, малоречивый. Покуда обсуждали детали предстоящей операции, почтительно внимал указаниям адмирала и выказывал полнейшую готовность сделать все, что от него ждут. Еще Фалько понравилось, что в отличие от других фалангистов, носивших голубую рубашку под курткой или пальто, на Эстевесе были обычная белая сорочка и шерстяной галстук. Он не кичился ни своим чином, ни положением – а между тем командовал центурией в ударных частях – и даже словом не обмолвился ни о том, как недавно оборонял крепость в Толедо, ни о тяжелейших боях за Мадрид.

– Надо, надо оздоравливать Испанию, – прощупывая его, сказал Фалько.

– Предпочел бы делать это на передовой. А здесь воняет мезью и позором.

– Боюсь, это еще самое начало. Если верить радио и газетам, красные бегут и массово сдаются в плен.

– Брехня. Я только что оттуда. Дерутся отчаянно за каждую пядь своей территории.

– Так что же, к Рождеству не кончится? – удивился Фалько.

– Разумеется, нет. Это пропаганда.

– Значит, война будет долгой и кровавой?

– Представьте себе. Лучшая в мире пехота сошлась с лучшей в мире пехотой.

Встретивший визитеров начальник тюрьмы повел их через галерею вдоль длинного ряда окон, освещавших противоположную стену с железной лестницей. Два этажа. Двери камер. Отопления здесь не было, и царил лютый холод. Слышались отдаленные голоса, иногда лязг отпираемых дверей, и шаги отдавались в коридоре со зловещей гулкостью. По дороге начальник рассказал им про человека, ради которого они сюда пришли: член социалистической партии, бывший заместитель начальника тюрьмы в Аликанте, приехал навещать свою семью, остававшуюся в зоне националистов. Попытался бежать в Португалию, но в Бехаре его схватили. Сейчас сидит в камере с еще пятнадцатью заключенными, ждет военно-полевого суда.

– Мать живет в Альба-де-Тормесе. Вдова депутата-социалиста. Разумеется, она под наблюдением... Брат записался в «Фалангу», но мы думаем – для того только, чтобы снять с себя подозрения.

Арестант по имени Паулино Гомес Сильва ждал их в кабинете с серыми стенами, где были только стол, три стула и портрет каудильо на стене. Начальник оставил их наедине с заключенным и закрыл дверь. Гомес Сильва оказался щуплым и худосочным, с близорукими испуганными глазами на остроскулом лице. На нем был грязный и измятый серый костюм, башмаки без шнурков и рубашка без галстука, сильно залащенная на обшлагах. Все трое уселись, и Фабиан Эстевес без дальних слов достал из кармана пальто сложенный вчетверо план и расстелил его на столе:

– Узнаете?

Арестант взглянул и тотчас вскинул к нему удивленный и недоверчивый взгляд:

– Кто вы такие?

– Это неважно. Отвечайте на вопрос. Узнаете, что тут изображено?

Гомес Сильва растерянно заморгал:

– Ну да, конечно. Это тюрьма в Аликанте.

– Опишите все подробно и обозначьте все на плане.

– Я не вижу без очков. А очки разбились, когда меня задерживали.

– Придвиньтесь поближе. Я вам буду говорить.

Тот послушно и точно начал отвечать на вопросы. Главный вход, задний, расстояния, стены, дворы, галереи, камеры. Он говорил, а руки и небритый подбородок с проступившей седой щетиной у него дрожали. Пальцы с отросшими грязными ногтями подцепили сигарету, предложенную Фалько. И на секунду в его глазах измученного животного мелькнула искорка благодарности.

– Давно не курили? – спросил Фалько.

– Три месяца.

– Тяжко, должно быть.

Гомес Сильва быстро глянул на Эстевеса и потом на дверь.

– Не это здесь самое тяжелое.

Фалангист достал записную книжку в клеенчатой обложке, карандаш и пометил в ней ворота, три корпуса, восемь внутренних двориков, часовня, высота стен. Все записал обстоятельно и аккуратно, убористым бисерным почерком, сделал чертежик. Арестант время от времени с немим вопросом в глазах поглядывал на Фалько. Тот протянул ему еще одну сигарету.

– Ну, думаю, достаточно, – сказал Эстевес, пряча записную книжку.

– Я вам не нужен больше?

– Нет.

Фалько и фалангист поднялись. Гомес Сильва остался сидеть, переводя растерянный взгляд с одного на другого.

– Мне как-нибудь зачтется это?

– Непременно, – солгал Фалько.

– Я три месяца ожидаю суда. И каждый день боюсь, что однажды меня вытащат из камеры и я исчезну, как другие.

– Не бойтесь. Ваше дело будет разобрано законным порядком. Мы вам гарантируем.

Арестант ухватился за эту надежду. Или хотел ухватиться. Сигарета дрожала у него в пальцах.

– Я симпатизирую Национальному Движению, поверьте! Я признал свои политические ошибки... Мой брат – активный член «Фаланги»...

Покуда Фабиан Эстевес стучал в дверь, Фалько вывернул весь портсигар в руки Гомесу, и тот взглянул с благодарностью. Начальник тюрьмы проводил их обратно до ворот.

– Тут вот какое дело, – сказал ему фалангист на прощание. – По соображениям государственной важности этого арестанта надо бы на какой-то срок изолировать. Пресечь общение с сокамерниками.

– Постараюсь. Но вы же сами видели, какая тут у нас скученность, а дальше будет только хуже.

– Это приказ руководства «Фаланги» и генштаба каудильо. Необходимо сделать так, чтобы этот заключенный не контактировал с другими. Никто не должен знать, о чем мы тут с ним разговаривали.

Начальник тюрьмы в задумчивости сморщил лоб:

– И на какой же срок?

– Четыре недели – самое малое.

Начальник перевел дух:

– А-а, ну в таком случае сложностей не предвижу! Как раз вчера мне переслали документы. Через три дня суд. Исходя из опыта его предшественников, можно предположить, что...

В машине на обратном пути оба молчали. Не говорили ни о том, какая судьба уготована Паулино Гомесу Сильве, ни о чем другом. Сидя сзади – за рулем был юный и ко всему безразличный солдатик в штатском, – Эстевес листал свою записную книжку, а Фалько смотрел в окно. Вышли на улице Толедо и стали напротив друг друга, глаза в глаза, руки в карманах пальто. В отличие от Фалько, Эстевес был без шляпы. У фалангистов их носить было не принято.

– Когда отправляетесь? – спросил Эстевес.

– Завтра.

– По суше?

– Да.

– Перейти границу – дело опасное.

– Не впервой.

– Да, мне говорили.

Эстевес чуть улыбнулся – и сразу словно помолодел. Улыбка у него была грустная, будто слишком много он видел за краткий срок. Меланхолик какой, подумал Фалько, и все у него на лбу написано – и прошлое, и будущее. Такие долго не живут.

– А что еще вам сказали?

– Достаточно. Как, полагаю, и вам обо мне.

– Всегда хорошо знать, с кем сел играть.

Он полез за портсигаром, но спохватился, что там пусто. Фабиан Эстевес смотрел сквозь него, словно вглядывался в какую-то даль. Накануне адмирал рассказал Фалько, что, когда красным удалось ворваться в северное крыло Алькасара и поднять свой флаг над развалинами, Эстевес был одним из пяти добровольцев, которые с одними пистолетами по приставным лестницам и по веревкам сумели взобраться туда и выбить противника.

– Я говорил вчера вашему шефу, – нарушил молчание Эстевес, – что будете работать с первоклассными бойцами. Надежные, отважные товарищи.

– Другие там не справятся, – согласился Фалько.

– Они понимают, как рискуют. Вы можете полностью доверять людям, о которых я вам говорил, – Хинесу и Каридад Монтеро... Я знаю их лично.

В словах его клокотала – так, что даже голос чуть подрагивал, – вера, не ведающая ни колебаний, ни сомнений. Стиль немного наивный, заключил Фалько, и чуточку старомодный, стиль прямоты и рубашек с вышитыми на рукаве ярмом и стрелами, стиль, пришедший из других времен или оттуда, где членство в «Фаланге» было не способом преуспевать и

сводить счета, но делом тайным, опасным и азартным. Стиль избранных и верующих, «старых борцов», еще не сожженных приспособленцами и негодьями. Старо как мир.

– С вами встретимся на берегу, – сказал Фалько. – Постараюсь, чтобы к моменту вашей высадки все было в порядке.

– Надеюсь.

– Успеем к сроку.

– Надеюсь и на это. – Эстевес посмотрел по сторонам. – Мне здесь не по себе, – и, перехватив взгляд Фалько, сказал с той же грустноватой улыбкой: – Не знаю, поймете ли вы... Я солдат.

Молчание затянулось настолько, что обоим стало неловко. Они по-прежнему стояли напротив друг друга, словно сомневаясь, пора ли прощаться. Когда встретимся в следующий раз, подумал Фалько, будет не до разговоров по душам.

– Желаю удачи, Фабиан.

– И вам.

Они обменялись рукопожатием – и каждый постарался, чтобы оно вышло крепким. Потом Эстевес круто повернулся и двинулся вверх по улице, а Фалько смотрел ему вслед. Руки в карманах длинного темного пальто, голова непокрыта, печаль во всем облике – от фалангиста исходила аура, присущая героям, мученикам и безгрешным палачам. Фалько по опыту знал, что они-то опасней всего.

Таблетка уже начала действовать, унимая головную боль и более того – вселяя какое-то светлое чувство в душу Фалько, заглядевшегося на пейзаж. За Римским мостом Тормес делал изгиб, окрашивая в серебристо-перламутровые тона туманную голубизну неба. На другом берегу под башнями, колокольнями, куполами раскинулась охристо-бурая всегдашняя старая Саламанка, Саламанка университетская и церковная, а в последние несколько месяцев еще и патриотическая, и военная: ее студенты сражаются на фронте, а ее профессора доносят друг на друга. Он издали заметил, как, припарковав открытый двухместный «рено», проходит по мосту к ресторанчику Ческа Прието. Короткая куртка в серо-зеленую клетку на плечах, серый берет, туфли на невысоком каблуке, чуть подкрашенные губы, слегка подведенные брови. Косметики ровно столько, сколько надо. Она шла спокойно и была уверена в себе, в своей красоте, в прочности своего положения. Шла на первое свидание, как идет большинство женщин – больше из любопытства и вызова, чем от желания.

– Вы мне еще не объяснили, что делает в Саламанке военный моряк.

Это будет непросто, понял Фалько через пятнадцать минут разговора. Атакой с ходу ничего не добьешься. Она кое-что знала про него – по крайней мере, ту часть его жизни, которую можно было считать публичной. Без сомнения, деверь, сегодня утром вернувшийся на фронт, просветил ее в этом отношении. И чем сильнее разжигалось ее любопытство, тем сдержанней становился Фалько. Он заставлял ее применять типично женскую тактику, основанную на том, что называется «активной обороной». Она прощупывала противника и следила за его реакциями – ничего нового из затрепанного учебника жизни не вычитаешь. Но она была умна, а потому могла и рискнуть, оставляя незащищенные участки в линии своей обороны и заманивая в эти пустоты, – кто отважится, в выигрыше окажется.

– Я объяснил.

– Ничего вы не объяснили. И потом, я знаю, что из академии вас в юности исключили.

– Наше Движение все изменило. Нужны были люди. Меня восстановили.

– Судя по тому, что порассказал мне Хайме, если уж вас восстановили, они должны были просто отчаянно нуждаться в людях. Вы были далеко не примерный курсант. Бесконечные интрижки и скандальные нарушения дисциплины.

– Что еще он рассказал?

– Что вы отправились в Америку, а потом в Европу и впутались в сомнительные дела.
– Деверь ваш – большой шутник.
– Да нет, не думаю. Несколько месяцев на фронте отбили у него всякую склонность шутить.

На столе стояли графин белого вина и два бокала. Ческа задумчиво отпила из своего. На левой руке поблескивало золотом обручальное кольцо и рядом другое – простенькое, с маленьким бриллиантом.

– Вы, может быть, не знаете, но мы с вами встречались. Причем дважды, – сказала она чуть погодя.

– Это невозможно. Я бы вас запомнил.

– Нет, серьезно... В гриль-баре отеля «Палас» в Мадриде... Я была с друзьями, вы ужинали за соседним столиком, и кто-то из ваших знакомых рассказал про вас.

– Да? И что же именно?

– Симпатичный, много поездивший, ненадежный. Эти самые слова.

– Вот как... А во второй раз?

– В парке у казино в Биаррице. Около года назад. Вы были в синем пиджаке, в белых брюках, в шляпе-панаме и с дамой под руку.

– Дама-то хоть была хороша?

– Очень даже. Но отзывы о вас были опять же не самого лестного свойства. На этот раз от Пепина, моего мужа. Вы ведь знакомы?

Фалько осторожно кивнул. Зыбкая почва.

– Отдаленно.

– Это я поняла, – в ее улыбке проскользнула едва ли не жестокость. – В тот день в Биаррице он не выказал особенной приязни...

– Нельзя же выигрывать всегда. И у всех.

– Разумеется. Хотя вы не похожи на тех, кто проигрывает.

– Стараюсь по мере сил.

Ческа взглянула на него по-иному. Так, словно отыскивала трещинки в этой бетонной конструкции. Потом закинула ногу на ногу, и Фалько подумал, что настоящая женщина совершать такие движения, курить и заводить любовников должна изящно. Небрежно и непринужденно. У этой, несомненно, получается.

– Это обязательное условие? – вдруг спросила она.

– Что, простите?

– Женщины в вашей жизни обязательно должны быть хороши?

Фалько невозмутимо выдерживал ее взгляд. Он твердо знал, что, если отведет глаза, рыба оборвет леску и, плеснув хвостом, уйдет в глубину.

– Не припомню женщин, столь привлекательных, как вы.

– Это вы мне уже говорили. Вчера. Я думала, у вас найдется другой ответ.

Он задумался на миг. Или на два.

– Ну, поскольку все требуют одинаковых усилий, – сказал он наконец, – хотелось бы, чтобы игра стоила свеч.

– Иными словами, чтобы за ту же цену получить наилучший товар?

– Более или менее так.

– А куда вы относите умных женщин?

– Ум красоте не помеха.

– А если все же они вступают в противоречие?

– Тогда предпочтение отдаю красоте. – И добавил про себя: «А отношу в спальню».

Она протянула руку к бокалу, но не взяла его.

– Вы всегда так brutally искренни?

– Нет, лишь когда женщина не только красива, но и умна.

И увидел, как она слегка, медленно оперлась на стол рукой в кольцах.

– Сеньор Фалько...

– Лоренсо, прошу вас. И уже не в первый раз. Лоренсо.

– Я с вами спать не буду.

– Сегодня?

– Никогда.

– Не хотите отдаваться – дайте право попытаться.

– В ваши права я не вмешиваюсь, – рука ее по-прежнему лежала на столе, у него перед глазами. – Но я замужем.

– Почему же это должно стать препятствием? Напротив.

– Напротив? Вы предпочитаете нас, замужних дам?

– При прочих равных... Замужней даме есть что терять. Она осторожней. Внимательней. Благодарней.

– Не усложняет жизнь, вы хотите сказать?

Он не ответил на это. Не должен был. Вместо этого взял со стола портсигар, открыл его и протянул ей. Она взяла сигарету, но качнула головой, когда он потянулся через стол с зажигалкой.

– А где же чувства? Куда вы девали любовь и страсть?

– Это вовсе не исключается. – Фалько закурил сам и взглянул на нее сквозь облачко дыма. – Дело, видите ли, в том, что мне никогда не было нужды делать то, что делаете вы... А вы – почти все – в качестве меры предосторожности влюбляетесь.

– Чтобы защититься?

– Чтобы оправдаться.

– О господи, какое бесстыдство. Никогда не слышала, чтобы так хладнокровно планировали адюльтер.

Она осторожно, как что-то хрупкое, положила на стол сигарету, так и не закурив, и поднялась.

– Вы уходите?

– Разумеется.

– Я провожу вас до машины.

– Не затрудняйтесь.

– Нет уж, позвольте.

Под растерянным взглядом официантки он оставил на столе щедрые чаевые и тоже поднялся. В неловком и напряженном молчании они шли по тысячелетней каменной конструкции. Римский мост был безлюден. На другом берегу возносилась Саламанка, монументальная и непорочная.

– Меня тут некоторое время не будет, – произнес он. – Уеду.

– Мне совершенно все равно, где вы будете, а где нет.

– Нет. Не все равно.

Он остановился, и следом она. Лицо было бесстрастно, но рот чуть приоткрыт, и подбородок еле заметно подрагивал. Поддавшись внезапному озарению, а верней по сиюминутному, инстинктивному наитию (порой это бывало как неожиданный шахматный ход), он протянул руку и двумя пальцами осторожно прикоснулся к ее шее, словно проверял, нет ли жара, или считал пульс на сонной артерии. Женщина не противилась, стояла неподвижно. И заметив, как вспыхнувшая в зеленых глазах искра теплоты и нежности растопила их лед, Фалько потянулся к ее губам.

– Завтра уезжаю, – сказал он, отстраняясь. – И надеюсь застать тебя здесь, когда вернусь.

- Негодяй, – сказала она.
- Что есть, то есть.

Леандро, бармен из «Гранд-отеля», перестал трясти шейкером и осторожно перелил его содержимое в стакан Лоренсо Фалько. Тот посмотрел на свет и потом чокнулся с адмиралом, который пил скотч со льдом и без воды.

- Ваше здоровье, сеньор.
- Пей на здоровье – оно тебе понадобится.
- Выпили неторопливо и молча.

– Хорошо, – сказал адмирал, прищелкнув языком. – Не то что этот клопомор из Порто.

Оба, как обычно, были в штатском и сидели на винтовых табуретах в ближайшем к выходу углу. Бар заполняли завсегдатаи – офицеры, фалангисты в голубых рубашках, иностранные корреспонденты и помещики, не устававшие радоваться тому, что пять лет республиканских треволнений остались позади и теперь можно держать поденщиков в узде или с пулей меж глаз – в придорожных канавах.

– Когда отправляешься? – осведомился адмирал. Он довольно долго медлил с этим вопросом.

Фалько взглянул на часы. В номере уже стоял его собранный багаж – вещевой мешок, полевое обмундирование и сапоги, сигареты, таблетки аспирина с кофеином. А также «браунинг» с тремя запасными обоймами, выкидной нож, шифровальный блокнот с цифровым и буквенным кодами. Бритвенное лезвие он собирался запрятать в поясной ремень.

- Через восемь часов за мной придет машина.
- Непременно встану и тебя провожу.
- Не беспокойтесь.
- Это не беспокойство. Я должен своими глазами увидеть, что ты отчалил. Кто повезет?
- Пакиито-Паук. Машиной из Севильи в Гранаду, а дальше – своим ходом.
- Ага... Значит, он уже вернулся из Франции?
- Вчера.
- Хороший кадр... Ты знаешь, что он, хоть и гомик и все такое, был охранником Лерруса¹¹ в Барселоне? И завалил среди прочих Чике дель Раваля?

- Да, знаю.
- И прекрасно справился со своим... с вашим, я хотел сказать, делом в Нарбонне. Та женщина в поезде...

И осекся, словно проглотив то, что собирался сказать, вместе с виски.

- Не вижу разницы, – сказал Фалько.
- Я знаю.

Фалько раздвинул губы над ободком стакана:

– Всего лишь старые комплексы, поверите ли?... Когда женщины на своем месте, они убивают и умирают не хуже мужчин.

- А иногда и лучше.

После долгой паузы адмирал спросил, где намечен переход границы.

- В секторе Гуадикса.

– Будь осторожен. Попадешься нашим – они, не дай бог, примут за перебежчика и пристрелят на месте, слушать ничего не станут. Особенно мавры. «Красный? К стенке»... Сам знаешь.

¹¹ Алехандро Леррус и Гарсия (1864–1949) – государственный и политический деятель Второй Испанской Республики, глава Радикальной республиканской партии, один из лидеров испанского республиканского движения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.